

Еще раз про
любовь

Литературное
приложение
к журналу

Все
для женщины

Ирина Мартова

СТРАННЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Литературное приложение к женским журналам

Ирина Мартова

Странные женщины

«ИМ Медиа»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Мартова И. В.

Странные женщины / И. В. Мартова — «ИМ Медиа»,
2021 — (Литературное приложение к женским журналам)

ISBN 978-5-6046465-2-6

Мария, привлекательная молодая женщина, преподает в университете и очень любит свою работу. Романтичная по натуре, она часто влюбляется и быстро разочаровывается в избранниках. И не замечает, что в нее давно и безнадежно влюблен Михаил, которого она считает лучшим другом. Однажды Михаил случайно находит странную фотографию. На ней изображена малышка Мария с чужой женщиной. Кто эта женщина? Почему фото спрятали в старой книге? Что за адрес на обороте снимка? А вдруг это настоящая мать, а Марию воспитывали приемные родители? Мария полна решимости найти незнакомку с фото. Михаил и верная подруга Александра обещают помочь и намечают план действий...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-6046465-2-6

© Мартова И. В., 2021
© ИМ Медиа, 2021

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ирина Мартова

Странные женщины

© Мартова И. В., 2021

© ИД «ИМ Медиа», 2021

* * *

Анне. С любовью. Все только начинается...

Вместо предисловия

Женщины всегда говорят правду, но не всю и не сразу.
Итальянская пословица

Август уходил. Неспешно, задумчиво, лениво...

Он еще кружил голову странным теплом, дурманил ярким солнцем, запахами вызревших арбузов, налившихся соком яблок и первых грибов. Он еще благоухал мятой, цветущим вереском, дразнил ароматами флоксов, гречишного меда и свежего сена... Но уже тонул в молочных туманах, удивлял густой синевой и пугал ранними закатами. Спohватившись, раскладывал по карманам луговые травы, старательно укорачивал день и неторопливо паковал чемоданы...

Август уходил. Но все же он еще дивно пах молодостью, которая быстро становится воспоминанием и никогда не оставляет надежды на возвращение...

Глава 1

Конец лета наступил, как всегда, неожиданно. Природа, разомлевшая под летним солнцем, опомнилась поздно. Дождь полил сразу, едва календарь успел перелистнуть первые три дня сентября.

Маруся сидела у окна, обреченно глядя на потоки воды, льющиеся с потемневших небес. Эмма Викторовна, полная седая дама, надев плащ, удивленно оглянулась на притихшую коллегу.

– Мария, вы домой, милочка, не собираетесь?

– Собираюсь, – вздохнула Маруся.

– Ну, так пойдемте, – Эмма, прищурившись, глянула на Марусю поверх очков. – Хотите, подвезу? Или до метро подкину. Мою машину, наконец-то, сделали...

– Нет, – Маруся улыбнулась. – Вы идите, Эмма Викторовна, не ждите. Я сама потихоньку доберусь.

– Но там ливень, – дама испуганно округлила глаза. – Промокнете.

– Ничего, – усмехнулась Маруся, – не сахарная, не растаю. Да и зонт у меня сегодня есть, я предполагала такую неприятность. Небо, словно холстина изодранная, со вчерашнего дня рваными тучами пошло.

– Ну, как хотите, – Эмма Викторовна обиженно пожала пухлыми плечиками, закутан-ными в дорогой плащ цвета хаки. – До завтра.

Маруся, посидев еще минут пять, неспешно достала свою выдавшую виды кожаную сумку, служащую одновременно и дамской сумочкой, и преподавательским портфелем, и хозяйственной авоськой. Положила туда пару толстых тетрадей, два оставшихся с обеда банана, крохотную косметичку, кинула в боковой кармашек записную книжку.

– Ну, все, – она оглядела свой стол. – Домой. Пора домой.

Часы показывали без четверти семь.

Едва ступив за дверь старого корпуса, Маруся оказалась в таком потоке льющейся сверху воды, что цветной зонтик в ее руках сразу потерял свою надобность. Пронзительно холодные струи дождя так настойчиво приняли ее в свои объятия, что она даже взвизгнула от неожиданности. Постояла, собираясь с духом, но, чувствуя, что терять уже нечего, решительно зашагала прямо по лужам.

Ледяные струи текли по спине, по ногам, по лицу, скапливались в невысоких ботинках, но Маруся не сдавалась. Шла, сердито сдвинув брови, и что-то шептала себе под нос...

Вскоре она, проклиная все на свете, поняла, что до метро ей не добраться: слишком много воды скопилось в обуви, чересчур намочла одежда, очень замерзли руки. Тогда Маруся подошла к краю тротуара и призывно подняла руку, надеясь поймать свободное такси.

Минуты безжалостно убегали, а желтые машины проносились мимо, не обращая внимания на умоляющие жесты Маруси. Она, жалобно постанывая, то придвигалась к самому краю тротуара, то едва успевала отскочить от потоков грязной воды, бьющей из-под колес проезжающих автомобилей, то грозила кулаком вслед очередной машине.

Промокшая насквозь, Маруся совсем растерялась. Отчаянно хотелось плакать. Она беспомощно оглянулась, оценивая расстояние до метро. Но когда уже приготовилась кинуться к спасительному входу, над которым приветливо светилась большая буква «М», возле нее резко затормозил черный джип. Обдав ее приличной порцией грязнущей воды, машина остановилась, пассажирское окно приоткрылось.

– Эй... Садись, довезу, – водитель попытался перекрыть шум дождя.

Опешив, Маруся сжалась в комок и недоуменно оглядела себя. Мокрая одежда, обувь грязная, вода стекает прямо по ногам... Как такой грязнule сесть в этот шикарный автомобиль? Она робко топталась на месте, не решаясь открыть дверь дорогой машины.

Водитель нетерпеливо нажал на сигнал и сердито махнул ей рукой.

– Чего стоишь? Решила утонуть?

Маруся, прикусив губы, открыла тяжелую дверь и умоляюще глянула на мужчину.

– Я вся мокрая, ноги грязные... Вода натечет сюда.

– Да садись уже, – мужчина раздраженно отвернулся. – Здесь стоять нельзя, вон знак запрещающий. Быстро запрыгивай.

Маруся обреченно вздохнула и нырнула в теплое нутро автомобиля.

Водитель молча отъехал от тротуара, осторожно встроился в поток машин, и лишь потом изумленно глянул на притихшую незнакомку.

– Ты чего там стояла?

– Такси ловила.

– Ну, ты, попутчица, даешь, – поперхнулся мужчина. – Там же машины не останавливаются. Нельзя. Знаки запрещающие висят...

– Я не видела, – уныло прошептала Маруся, чувствуя, как от холода, влаги и усталости ее бьет мелкая дрожь.

– Ну и ну... Так бы и стояла до утра, – мужчина усмехнулся. – Замерзла? Как бы не заболела.

– Нет, ничего, – не очень уверенно проговорила Маруся и шмыгнула носом. – А сколько я вам должна?

– За что? – опешил мужчина.

– Ну... – она замялась. – За то, что вы меня везете.

– Сиди уж... Платить она собралась. Адрес лучше говори, куда ехать.

Они ехали так долго, что Маруся, согревшись, даже задремала. Очнулась оттого, что мужчина легонько тронул ее за локоть.

– Приехали, кажется. Глянь-ка, твой дом?

– Мой. Спасибо, – Маруся закивала, заторопилась, выскочила из автомобиля.

– Эй, попутчица, подожди. Прыткая какая... Как зовут-то тебя?

– Мария, – она виновато улыбнулась.

– Понятно. Ну, пока, Мария!

Глава 2

Не успела Маруся войти в квартиру, как в дверь позвонили.

– Господи, – простонала она, стягивая с ног насквозь промокшие ботинки, – кто там еще?

На пороге стояла Александра. Увидев совершенно мокрую подругу, она ахнула:

– Ты откуда такая? Под дождем гуляла что ли?

– Ага, гуляла, – вздохнула измученная Маруся.

Александра слушать ее не стала, развернула бурную деятельность. Заварила чай, сбегала домой за малиной, заставила Марусю встать под горячий душ и нарисовала ей на ступнях йодную сетку.

– Это-то зачем? – сопротивлялась изо всех сил Маруся.

– Так надо, – подруга была неумолима. – Не знаю, в чем секрет, но наша бабушка всегда так делала, когда мы болели.

Наконец, когда все лечебные экзекуции, задуманные неугомонной Александрой, закончились, они обе упали на диван в изнеможении. Маруся, завернутая в теплый плед, шмыгнула носом.

– Что бы я без тебя, Сашка, делала?

– Да вот и я не знаю, – подруга захохотала. – А, нет... Знаю! Давно бы ты превратилась в жуткую морщинистую старушенцию. Это только моя нечеловеческая забота делает тебя такой красивой и здоровой.

– Это точно, – Маруся язвительно усмехнулась. – Ты даже дышать мне самостоятельно не даешь. Задушила своей заботой.

– Не заботой, – обиженно запротестовала Сашка, – а любовью...

Они опять рассмеялись. Потом долго сидели молча. Слушали тишину и размышляли о своем...

Их дружба длилась долго, с тех самых пор, как родители Александры обменяли две однокомнатные квартиры, доставшиеся им от их родителей, на большую светлую «двушку», которая располагалась на одной лестничной площадке с Марусиной квартирой.

Маруся в тридцать семь лет так и не создала семью. Пока училась на филфаке, усердно занималась науками. Так погрузилась в литературу девятнадцатого века, так отдалась изучению поэтики романов Достоевского, так старательно осваивала философию интуитивного постижения мира, что пропустила момент, когда все однокурсницы выскочили замуж. Она осталась в числе тех немногих, кто либо не отличался красотой, либо предпочитал гражданский брак.

Мария не сильно всполошилась, надеясь, что все со временем утрясется. Однако мама и бабушка не разделяли ее спокойствия. Мама то и дело исподволь пыталась подвести дочь к мысли о том, что счастье женщины заключается в удачном союзе. Маруся лишь посмеивалась и осторожно намекала маме, что у нее самой мужа нет. Бабушка в выражениях не стеснялась, называла любимую внучку дурехой и требовала правнуков немедленно.

– Странная ты, Машуня, – возмущалась бабуля. – Посмотри на своих ровесниц, все уже коляски катают!

– Ну и что? – не сдавалась внучка. – Главное, не коляску катать, а быть счастливой.

– Вот выйдешь замуж, и станешь счастливой, – гнула свое старушка.

– Или буду слезы лить ночи напролет...

Споры продолжались бесконечно, но Марию с пути не сбивали. Она упорно занималась русской литературой, поступила в аспирантуру, защитила кандидатскую.

Конечно, случались и в ее жизни дни отчаяния, глухой тоски и беспросветной печали. Но она умела быстро справляться с противной хандрой и, оставив тревоги за порогом дома, погружаться в любимое занятие.

Все складывалось благополучно и очень удачно. После аспирантуры осталась в университете, познакомилась с очень интересными людьми, приобщилась к сообществу преподавателей, получила предложение написать книгу. В общем, входила в курс дела и строила головокружительные планы.

Беда грянула неожиданно. Как, впрочем, всегда. Вспоминая позже этот день, Маруся не понимала, как выжила. Как не остановилось сердце. Как не разверзлась земля. Как не рухнул мир.

В тот жуткий четверг, когда не стало мамы и бабушки, все шло своим ходом: встала рано, выпила чай, отправилась на лекции... Ничего не приснилось, не екнуло, не подсказало. Ей тогда едва исполнилось двадцать восемь.

Она и сейчас до мельчайших подробностей помнит тот день. Сидела на кафедре. Позвонили из полиции. Чужой казенный голос холодно уточнил ее фамилию, имя и отчество, а потом безучастно сообщил, что ей надо срочно подъехать в отделение центрального округа. Она, схватив такси, неслась туда сломя голову, предчувствуя несчастье и боясь своего предчувствия.

Слова холеного капитана, все время отводящего глаза в сторону, сразили ее наповал: она опустилась на стул, страшно побледнев. Не заплакала, не заголосила, не упала в обморок. Просто потеряла дар речи на мгновение. Смотрела пересохшими глазами в пустоту, пытаясь представить то, о чем так спокойно говорил полицейский.

Стоял солнечный морозный день, снег поскрипывал под ногами, пощипывал щеки и слепил глаза. В парке недалеко от дома резвились дети, гуляли мамочки с колясками, неторопливо вышагивали старики с палочками.

Мама с бабушкой, приготовив обед, тоже вышли подышать свежим воздухом. Они не спеша шли по утоптаным дорожкам, с удовольствием поглядывали на малышню, катающуюся на лыжах чуть поодаль, обсуждали домашние дела...

Увлеченные разговором, они не сразу заметили, как встревоженные мамыши стали хватать детей и убегать подальше, как торопливо покидали аллею гуляющие. Услышав, наконец, грозный рычащий звук, они обернулись... На них летел снегоход на сумасшедшей скорости.

Отскочить они не успели... Пьяные молодчики, тестирующие в парке новый снегоход, просто убили их, врезавшись в растерявшихся женщин на полном ходу. Даже не сбавив обороты, они пролетели по инерции еще несколько десятков метров, а потом перевернулись и улетели в овраг.

Дальше Мария все помнила плохо. Оpozнание, отпевание, похороны, поминки... Все слилось в один черный кадр, словно засвеченная фотография. Она не знала, который час, какой день, кто рядом. Только одно запомнила – бледное, заплаканное лицо Сашки, которая, вцепившись в ее руку, не отходила ни на минуту, поддерживала, заставляла есть, спать и разговаривать.

На годовщину гибели мамы и бабули она пришла на кладбище, обняла памятники, порыдала по-бабьи, постонала, погоревала и, вздохнув, стала жить дальше. Одна. В своей однокомнатной квартире. Наедине со своими воспоминаниями.

Глава 3

В тот год, когда Александра собиралась поступать в институт, в нем открыли новое отделение бакалавриата – «Библиотечно-информационная деятельность». Это направление с прикладным применением классической филологии при помощи информационных систем очень заинтересовало девушку, увлекающуюся и литературой, и информатикой одновременно.

Саша так и заявила удивленным родителям, всю жизнь занимающимся медициной:

– Буду библиотекарем, но не обычным, а продвинутым.

Мама, нахмурившись, изумленно поглядела на единственное чадо.

– Саша, ты с ума сошла? С твоим аттестатом, с таким знанием языков, с таким пониманием программирования? Ты действительно хочешь прозябать в библиотеке?

– Мам, – дочь досадливо поморщилась. – Во-первых, вы с папой обещали дать мне абсолютную свободу в выборе профессии. Во-вторых, в работе библиотекаря есть много романтики и возможности для развития. Ты просто чуть-чуть отстала от жизни. Сейчас библиотечные ресурсы – это не только работа с каталогом и читательскими карточками.

Но мама, известнейший в городе невролог, категорически восстала против такого решения дочери.

– Даже не думай! Я не позволю тебе всю жизнь глотать книжную пыль...

Саша не стала возражать, просто отнесла документы в выбранный вуз.

– Все, выбор сделан, – спокойно сообщила она родителям.

Переглянувшись с мамой, отец пожал плечами.

– Ну, смотри, дочь. Будет тяжело – не жалуйся. Помни, мы тебя отговаривали.

Тогда Александре едва исполнилось семнадцать, а теперь уже тридцать семь... Много воды утекло за это время. Она похоронила маму, быстро угасшую от онкологии, стала директором крупной библиотеки, провела ее модернизацию, превратив из классической читальни в современный информационно-библиотечный образовательный центр. Папа, как, впрочем, и многие мужчины, долго один не оставался, женился на хирургической медсестре и переехал жить к ней в другой район Москвы. Сашка поначалу на него обижалась, не общалась целый год, а потом вдруг поняла, что он женился вовсе не от большой любви, а от страха остаться одному.

Одиночество – страшная вещь. Непредсказуемая, пугающая и разрушающая. Человек не может долго быть один, если только одиночество не доставляет ему удовольствия. А к старости страх обостряется, становится непереносимым и часто толкает пожилых мужчин на такие подвиги, о которых они потом вспоминают со стыдливой улыбкой.

Лет в двадцать пять Александра влюбилась. Да так, что голову напрочь снесло. И, как назло, во врача! Сама медиком не стала, так вот, пожалуйста, нашла себе предмет для обожания в белом халате! Замуж пошла сразу, уверенная в абсолютном счастье, поджидающем ее прямо за углом ЗАГСа.

Мужчина и впрямь оказался редким экземпляром: и собой хорош, и умен, и руки золотые... Но бабник. Хоть криком кричи, ничего не помогало. Сашку сильно любил, жалел и помогал, но тягу к женскому полу побороть не мог.

Поженившись, три года они протянули кое-как... Муж бесконечно клялся ей в любви, целовал руки, слова заветные шептал, нежно обнимал, а потом Александре ехидные дамочки названивали, нервно хихикали ей вслед, фотографии двусмысленные присылали, неприятными сообщениями донимали.

В общем, года через три она прозрела окончательно. Проплакав всю ночь, набралась смелости и подала заявление на развод. Вернувшись домой, молча собрала чемодан и, без всяких объяснений и разбирательств, переехала в двухкомнатную квартиру, оставшуюся от родителей.

Неудачное замужество девушку многому научило, но ей по-прежнему хотелось большую семью, детей, любящего мужа. Однако теперь Сашка не спешила, присматривалась, изучала, наблюдала.

Лет через пять на ее горизонте появился еще один мужчина. Смеясь, Александра называла его «попытка номер два».

Известный спортсмен-легкоатлет вдруг стал за ней настойчиво ухаживать, приглашал в рестораны, дарил подарки, возил за город, водил в театры. Сашке он казался смешным, самолюбленным и очень замороченным по поводу своей известности, но ухаживания она принимала. А что? Ей, как и любой женщине, льстило, что из огромного выбора незамужних дам он остановил свой взгляд именно на ней.

Эти странные отношения длились не очень долго. Он уезжал то на сборы, то на соревнования, то просто пропадал неизвестно куда, называя такие отлучки релаксацией. Сашка нервничала. Эта бестолковая связь, то накаляясь, то охладевая, держала ее в тонусе, не давая расслабиться.

Спортсмен звал замуж, но она, хлебнув «счастья» в первом браке, не торопилась. Расстались они года через полтора, так и не испытав обещанной им гармонии. Александра не сожалела, испытывала легкую горечь: понимала, что время ее цветения уходит.

Сашку все устраивало в ее жизни, кроме одного: очень хотелось ребенка. Очень-очень! Ей снилось по ночам, как она поет колыбельные песни, качает малыша на руках, кормит его из бутылочки...

В этом году ей исполнилось тридцать семь. Проснувшись утром, она долго лежала с закрытыми глазами, пытаясь вспомнить, как выглядела мама в этом возрасте. Противная память изворачивалась, хитрила, образ мамы ускользал. Отдельные черты, всплывающие в сознании, отчего-то не складывались в четкий портрет.

Вздохнув, Александра потянулась и решительно вскочила с кровати. Накинув халат, подошла к зеркалу и внимательно посмотрела на свое отражение. Высокая, рыжеволосая, с кучей мелких веснушек вокруг носа, высокими скулами и четко очерченными пухлыми губами.

– Боже мой, – скривилась Александра, – красавица из меня явно не получилась. – Она попыталась нахмуриться, сделать гримасу, стараясь понять, сколько морщинок добавилось за последний год. – Что ж, Сашка, – кивнула она своему отражению, – крепись! И с днем рождения тебя! Тридцать семь – это не приговор, конечно, но и не повод для радости. Держись!

Это происходило весной, а теперь на дворе осень. Она наступала стремительно. Зарядили дожди. Быстро облетали листья. Полетели серебряные паутинки. Сентябрь жестко вступал в законные права.

Работы прибавилось, потому что ученики вернулись в школы и вереницей потянулись в современный информационный центр.

О мужчинах, замужестве и прочих глупостях думать не хотелось. Да и некогда... А вот мысли о детях не давали покоя. Они дремали в подсознании, свернувшись в клубочек, как рыжий котенок. Притаились до поры до времени. Терпеливо ждали своего часа.

Глава 4

Маруся, приоткрыв глаза, посмотрела на будильник и опять крепко зажмурилась. Сегодня, в законный выходной, хотелось долго валяться в кровати, бездельничать и ни о чем не думать. Иногда она позволяла себе такой день, который так и называла – «день лодыря». В такие дни она не готовила есть, не красилась, не стирала и не убирала. Ей нравилось это ленивое время: в пижаме пила кофе, долго смотрела в окно, лежала на диване, вспоминая детство, смотрела старые фильмы, перебирала платья...

Сашка, у которой каждая минута была расписана, терпеть не могла эту Марусину расслабленность.

– Опять дурью маешься? Лентяйничаешь? – интересовалась она с порога.

– Ленюсь с удовольствием, – с улыбкой отзывалась подруга.

Давний друг Мишка тоже посмеивался над этой привычкой Маруси: «Машка, помни: леньность незаметно убивает все добродетели. Заметь, это не я сказал».

Маруся отмахивалась от них и с удовольствием ожидала следующего счастливого момента.

Таких благословенных дней за год случалось немного, но каждый из них Маруся использовала на сто процентов. Набиралась сил, восстанавливала потраченную энергию, укладывала в голову события последних месяцев, анализировала свои действия и делила все на черное и белое. Так уж с детства повелось...

Бабуля учила, что все в жизни происходит под знаками «плюс» или «минус». Плюс – это то, что приносит радость, добро или знания, а минус – все то, что огорчает, раздражает и отнимает здоровье и удачу.

Сегодня день лениности начался спокойно и душевно. Она долго валялась в кровати, бездумно ворочалась с боку на бок. Неторопливо прошла по квартире. Достав с полки любимую чашку, отчего-то долго ее рассматривала. Сварив, наконец, кофе, задумчиво подошла к окну.

Глядя в окно, Маруся словно напитывалась силами природы, смотрела на мир каждый раз новым взглядом, созерцала перемены и любовалась то багряным листопадом, то метельным утром, то низким небом... Она не искала за окном чего-то неожиданного, но всякий раз отчего-то успокаивалась.

Принимая важное решение, Маруся могла часами стоять у окна, будто там, за пределами квартиры, находилось то, что помогало не ошибиться, не оступиться и выбрать правильное направление.

Вот и теперь, в свой очередной «ленивый» день, Маруся, взяв чашку с кофе, долго стояла у окна. То ли мечтая, то ли вспоминая, то ли просто отдыхая...

А там, за окном, сентябрь набирал силу. Он, обычно мягкий и теплый, на этот раз так круто вступил в свои права, что люди, разомлевшие летом под лучами солнца, вот уже вторую неделю пытались справиться со стрессом, который почти всегда случается при переходе из лета в осень.

Сентябрь будто испытывал горожан на прочность своими капризами. Редкое солнце сменялось дождями, серебристая паутина, полетевшая по воздуху, тонула в лужах, багряные листья отчаянно цеплялись за мокрые крыши домов. Сразу посеревшее низкое небо, похожее на рваную мешковину, опустилось на город, закрыло солнце и хмуро давило на горожан своей тяжестью.

Маруся распахнула форточку и глубоко вдохнула влажную свежесть, сразу наполнившую крохотную кухню.

Большой красно-желтый кленовый лист, принесенный порывами ветра, прилип к наружной стороне стекла и словно дразнил ее своей крикливой, вызывающей красотой. Маруся долго

его разглядывала, изучала коричневые прожилки, разбежавшиеся по всей длине, небольшие темные пятнышки – предвестники скорой гибели, любовалась багровыми тонами, которые, вперемешку с желтым и красным, словно светились изнутри...

Усмехнувшись, она восхищенно прошептала:

– Вот и гость... Надо же, какой ты! Настоящий посланец сентября... Красавец...

Маруся приоткрыла оконную раму, осторожно взяла этот мокрый привет осени и, достав с полки крохотную вазочку, поставила в нее удивительный трехцветный кленовый лист, перенесла вазочку на журнальный столик и упала в кресло рядом.

Тишина плыла по дому. Маруся, редко бывающая одна, усмехнулась. И в одиночестве, что бы ни говорили, есть своя прелесть...

В ее жизни происходило всякое, и влюбленности случались не однажды, но почему-то ни одна из них не имела логического завершения, называемого в народе браком.

Вспоминать свои несостоявшиеся романы Маруся не любила. Но сегодня так и тянуло в прошлое. Она поджала ноги, накрылась пледом и, следуя традициям своего «ленивого» дня, погрузилась в сладкую пучину воспоминаний...

Первая любовь пришла к ней на первом курсе. Прямо перед летней сессией она познакомилась с молодым человеком, как ей тогда показалось, небывалой красоты. Константин, студент математического факультета, выглядел ошеломительно, словно сошедший с картины Аполлон: высокий, спортивный, черноволосый, синеглазый.

Маруся сразу купилась на его красоту, просто онемела, столкнувшись с красавцем в коридорах старого университетского корпуса. Потом нашлись общие знакомые, которые позвали в гости, познакомили на очередной вечеринке.

Маруся на Константина впечатления не произвела. Да и какое уж тут впечатление! Она себя всегда оценивала, как ей казалось, трезво и здраво: среднего роста, худая, светлые волосы цвета перезревшей пшеницы, голубые большие глаза, бледная кожа... «Глазу зацепиться не за что», – шутила она, споря с мамой и бабушкой.

Константин, очевидно, тоже не разделял мнение ее родственниц и смотрел на девушку как на пустое место. Зато она, встречаясь с ним в тесных коридорах университета, почти не дышала от счастья. В общих компаниях Маруся, борясь со стеснением, приглашала его танцевать, хохотала в ответ на глупые шутки и заходила в смущенном кашле, если их взгляды случайно пересекались.

Страсть, вспыхнувшая внезапно, так же скоропостижно и скончалась. Марусе просто надоело заглядывать в глаза человеку, который в упор ее не замечал. «Хватит», – сказала она себе однажды, и сердце, на удивление, хозяйку послушалось.

Остыв от лихорадки первой любви, Маруся влюбилась в доцента кафедры языкознания. Высокий, тощий, рыжий, с короткой бородкой, слегка картавящий, он вдруг показался студентке верхом совершенства.

Однокурсник Мишка, верный друг и товарищ, узнав о новом увлечении своей подруги, презрительно скривился.

– Тьфу! И что тебя вечно тянет на уродов?

– Да какой же он урод? – волновалась Маруся.

– Это как в песне, помнишь? – Мишка захохотал и пропел гнусаво: – «я его слепила из того, что было...»

– Дурак ты, – Маруся оскорбленно отвернулась.

– А ты глупая гусыня, – Мишка возмущенно фыркнул. – Хоть бы раз влюбилась в нормального мужика. Все каких-то фриков выбираешь.

Любимая подруга Сашка с Мишкой согласилась.

– Ты слишком идеализируешь тех, в кого влюбляешься. Не видишь их недостатков. Это плохо. Ты не знаешь себе цену.

Позже был еще стоматолог. Серьезный, важный, манерный. Уж он-то себе цену знал, деньги считал и умел ими распорядиться. Цветы не покупал, считая это расточительством. Конфеты есть тоже не разрешал, страшно переживая за здоровье ее челюстей. А главное, нежно целуя свою возлюбленную, пытался по привычке заглянуть ей в рот, чтобы сложить мнение о возможном кариесе на ее зубах. Маруся ужасно нервничала, долго терпела, а потом громко послала его на все четыре стороны.

Годы шли. Настоящих, серьезных романов не случалось. Прилипчивые ухажеры долго не задерживались. Были среди ее мужчин и профессоры, и инженеры, и даже летчик однажды попался. Но ни один из них не пришелся по сердцу, не оказался единственным.

Когда отпраздновала свое тридцатилетие, Мария вдруг осознала, что пересекла некую границу, за которой остались девичья непосредственность и бесконечная доверчивость.

В то далекое утро она, вспомнив погибших маму и бабушку, долго плакала, потом поехала на кладбище, а вечером, сидя с Александрой, Мишкой и еще двумя друзьями в кафе, взяла бокал и, горько усмехнувшись, предложила неожиданный тост...

– А давайте, ребята, выпьем за счастье. Оно – штука нечаянная, непонятная и непредсказуемая. Его нельзя пригласить на чашку чая, ему невозможно позвонить, высказать претензии, назначить встречу. Оно само выбирает, кого одарить любовью, здоровьем, верностью. Без него плохо, но и с ним сложно. Его трудно обрести и жалко потерять. Оно может быть мгновенным, как вспышка, или долгим, как вечность. Это темная лошадка, которую все мечтают встретить, и яркая звезда, о которую страшно обжечься. Ожидание счастья сводит с ума, но приход его можно и не заметить. К нему быстро привыкают, а проворонив, растерянно пожимают плечами. Счастье – невероятная редкость и божий дар. Сегодня мне тридцать. Мое счастье где-то заплутало... Но я умею ждать. За счастье!

Гости притихли, задумались о том самом счастье, которое, говорят, любит избранных, избегает публичности и предпочитает тишину. Каждый из сидящих за столом пытался понять, а не упустил ли он свою Синюю птицу, правильную ли выбрал дорогу на перекрестке, именуемом Судьбой.

Вернувшись в день нынешний, Маруся, пригревшаяся под пледом, обмякла, расслабилась, оправдывая название «ленивого» выходного. Она почти задремала, но именно в эту сладкую минуту дремоты зазвонил телефон. Вздвогнув от неожиданности, она недовольно поморщилась.

– Да?

Мишка, как всегда, торопился, словно боялся, что Маруся бросит трубку.

– Машка, ты где?

– Дома.

– Спишь, что ли?

– Нет, конечно, – Маруся занервничала. – Тебе чего?

– Вот что ты за человек? – возмущенно тараторил Мишка. – Нет, чтобы спросить у друга – как дела, как самочувствие? Так нет же! Сразу – чего надо?

Маруся пожала плечами, забыв, что Мишка ее не видит.

– Да чего спрашивать? Я и так по твоему крику понимаю, что ты жив-здоров, и дышится тебе легко.

– Слушай, – Мишка довольно хохотнул, – я вот о чем хотел сказать...

– Ну?

– Не перебивай. Помнишь, месяца два назад ты мне три книги давала? Драйзера, помнишь?

– Ну?

– Чего ты заладила? Ну да ну... Тоже мне, филолог. В общем, в одной из них я нашел странную вещь.

– Какую вещь? В книге? – Маруся мгновенно насторожилась.

– Вот... Сразу проснулась. Да, в книге.

Маруся сбросила плед, напряглась. Не выдержав паузы, которую противный Мишка долго держал, бросилась в атаку:

– Ну, что ты молчишь? Выкладывай быстро...

– Может, я заеду? – робко предложил Михаил. – Привезу тебе это...

– Да что это-то? У вещи есть название?

– Есть. Конверт и фото.

– Так это конверт... – разочарованно протянула Маруся. – Обычный? И просто снимок?

– Ну, да... Или нет. Не знаю. Что-то тут написано. То ли адрес, то ли напоминание какое-то. Если тебе не нужно, пусть тогда лежит и дальше в книге.

– Давай. Лети ко мне... Быстрее, – услышав про надпись, велела Маруся.

«Ленивый» день оборвался. Нечаянно и неожиданно. Но именно этот день пустил росток долгожданного счастья в ее нелегкую и странную жизнь.

Глава 5

Михаил родился в очень известной семье. Отец – блестящий тележурналист, и мама – спортивный комментатор, приходили в каждый дом два раза в неделю. Их, известных всей стране, многие люди воспринимали как близких и родных. Увлеченность, глубина и страстность отличали их статьи, комментарии и выступления. И, на удивление, среди коллег у них было больше друзей, чем врагов, хотя зависть и корысть никто не отменял.

Приятели, соседи и родственники так и говорили, поздравляя родителей с рождением сына: «Повезло малышу – родился с золотой ложкой во рту». Другие согласно кивали: «Под счастливой звездой появился на свет». Третьи разводили руками: «Судьба сразу улыбнулась мальчонке, счастливым будет!»

Бабушка, сердясь, стучала по дереву и плевала через левое плечо:

– Чего болтать попусту? Сглазят! Как пить дать, сглазят ребенка!

Но Михаил сглазу не поддался. Рос веселым, послушным и довольно рассудительным, очень любил книжки с яркими картинками, мультфильмы и конфеты «Мишка косолапый». Подрастая, увлекался всем понемногу, но особенной его любовью вдруг стала музыка. Это оказалось большой неожиданностью для родителей и приятным сюрпризом для бабушки, которая в молодости солировала в одном из музыкальных театров столицы.

Михаил выбрал фортепиано. С той поры в их доме всегда звучала фортепианная музыка: то дивные вальсы Шопена, то удивительные прелюдии Баха, то техничные этюды Черни... Ребенок отправился учиться в самую известную музыкальную школу, где основным предметом все-таки считалась музыка, но наряду с этим преподавались и все обязательные школьные предметы.

Бабушка, души не чаявшая во внуке, сопровождала его повсюду: то подавала Мишеньке курточку, то поджидала его после концерта, то кормила обедом, то разыгрывала с ним в четыре руки гаммы или просто импровизировала на заданную тему. Мальчишка, ей на радость, подавал большие надежды, ему прочили великое будущее, и никто не сомневался, что после школы он поступит в консерваторию.

Однако Михаил умел удивлять. Однажды вечером, когда вся семья, собирающаяся за общим столом довольно редко, угощалась вечерним чаем, Мишка вдруг встал, внимательно всех оглядел.

– Хочу вам сообщить важную новость, – смело заявил он.

Мама заинтересованно развернулась к сыну, отец нахмурился, а бабушка, будто чувствуя опасность, осторожно поставила на стол свою чашку. Повисшая пауза добавила напряжения и тревоги.

– Ну? В чем дело? – нетерпеливо кивнул отец.

– Да не напрягайтесь вы так, – улыбнулся Мишка. – Я не женюсь и не уезжаю в Африку.

– И на том спасибо, – облегченно выдохнула мама.

– Мишенька, а все же... – не приняла шутку бабушка. – Что такое?

– Я в консерваторию поступать не пойду, – выпалил Мишка.

– Как? – бабушка схватила за сердце.

Отец промолчал, мама в обморок не упала. Она, покачив головой, лукаво усмехнулась.

– Почему-то я не удивлена. Мне всегда казалось, музыка – это только начало пути, но не единственное направление, – она переглянулась с отцом. – А куда пойдешь? Откроешь родственникам секрет?

– Буду учиться на филологическом, – обрадованный такой реакцией, разулыбался Мишка.

– Господи, – всхлипнула перепуганная бабушка, – час от часу не легче! – Что ж вы молчите? – Она обернулась к родителям. – А как же музыка? Он же талант! На филфаке ни одного приличного парня не бывает, – заплакала в голос бабушка. – Этот филологический так и зовут в народе – факультет невест. Что ему там делать? Мишенька, как же так?

Внук обнял бабушку за худенькие плечи.

– Ну, чего ты расстроилась? Играть я и так всю жизнь буду. А на филологический поступлю специально, хочу все про историю литературы узнать. И нашей, и зарубежной. Мне это интересно! Понимаешь?

– Это гены в нем говорят, – отец подмигнул матери. – Он, как и мы, очень скоро в сторону журналистики развернется, вот увидишь. И я, простите, этому очень рад. Молодец, сын. Дерзай. А факультет невест – это совсем неплохо. Жenu себе выберет всем на зависть.

Так Михаил Куприянов оказался на филологическом факультете. В одной группе с Марией Антоновой, которую с первого дня стал называть Машкой, несмотря на ее бурные протесты.

– Я не Машка. Прекрати, – активно сопротивлялась она поначалу.

– А кто ж ты? Матрена?

– Меня зовут Мария или Маруся, – нервничала девушка.

– Маша – это та же Мария, только в сокращении, – пожимал плечами Михаил. – И, между прочим, ласково...

– Может, Маша и ласково, а вот Машка – плохо. Грубо и бесцеремонно, – она хмурилась недовольно. – В общем, не называй меня так. Я тебе не Машка, откликаться не буду.

– Да куда ты денешься? – похохатывал Мишка. – Мы ж теперь каждый день будем рядом.

И действительно, то ли случайно так получалось, то ли специально, но Михаил всегда оказывался рядом. За одним столом на семинарах, в одном ряду на лекции, на соседнем стуле в столовой... В библиотеке, на кафедре, в архиве – он всегда присутствовал там, где предполагалось появление Маруси.

Однокурсники, преподаватели и родственники считали их закадычными друзьями. Они действительно были друзьями, только каждый оценивал эту дружбу по-разному.

Для Маруси Михаил стал палочкой-выручалочкой, самым верным и надежным плечом, жилеткой, в которую можно было поплакать, помощником и поддержкой. Только ему и Александре Маруся доверяла все свои планы, рассказывала о неудачах и влюбленностях, жаловалась на промахи и хвалилась победами. Маруся считала Михаила незаменимым человеком, который и днем, и ночью придет на помощь, не даст в обиду, накормит, напоит и обогреет.

У Мишки все складывалось гораздо сложнее и трагичнее. Он тихо и верно любил Марию. Давно, фанатично и преданно.

Увидев ее впервые на посвящении в студенты, он вдруг понял, что эта, на первый взгляд, совершенно обычная девушка, полна невероятных достоинств. Его будоражил взгляд ее больших голубых глаз, задумчивых и полных неизбывной грусти. Ее длинные волосы цвета перезревшей пшеницы напоминали ему ряды колышущихся от ветра колосьев. Хотелось зарыться в них лицом и вдыхать, вдыхать легкий аромат лаванды, ириса и еще чего-то, чему он не знал названия. Ее стройность, грациозность и вечная бледность вызвали у него стойкое желание быть всегда рядом, поддерживать и защищать, помогать и оберегать.

Михаил полюбил Марию так внезапно и так сильно, что поначалу даже растерялся. И как-то упустил момент, когда можно было легко и спокойно признаться в своих чувствах. А потом, когда Маруся привыкла к нему, к его неизменным шуткам и достойным поступкам, оказалось поздно – имидж лучшего друга, бесшабашного и веселого приятеля, незаменимого помощника и широкого плеча сломать стало невозможно.

Никто из окружающих не догадывался о страданиях Михаила. Его любили на факультете за вечный позитив, неунывающий характер, готовность прийти на помощь и абсолютное бес-

корыстие. Девчонки его обожали, писали записочки, звали на свидания. Приносили билеты в кино и театр. Копировали для него лекции и скрывали его пропуска от куратора. Занимали очередь в буфете и стул в аудитории. А он, не замечая их косых взглядов, уступал эту очередь Марусе, сажал ее на приготовленный для него стул и отдавал ей театральные билеты.

Студенческие годы непредвиденно стали для Михаила самыми трудными: Маруся то влюблялась в кого-то, то расставалась. То встречалась, то расходилась. И, естественно, всегда все ему рассказывала, плакала и жаловалась на других мужчин. А он, сам не понимая, почему, все это терпел и утешал ее, самую дорогую девчонку на свете.

Он никогда не дал ей повода сомневаться в его верности и дружбе. Ни одним словом не намекнул на свою любовь. Не сорвался, не убежал, не озлобился. Просто тихо любил эту бестолковую «гусыню» Машку, которая никак не замечала глубоко спрятанную тоску в его глазах.

Правда, иногда, потеряв терпение, Михаил делал отчаянные попытки разорвать этот замкнутый круг. Однажды, успокаивая Марусю после очередного разочарования, он крепко обнял ее и, не сдержавшись, прижался губами к мокрой от слез щеке. Но девушка даже внимания не обратила на эту внезапную ласку, приняв легкий поцелуй за успокоительное средство.

Случались и еще попытки...

После внезапной гибели Машиных матери и бабушки он день и ночь дежурил в ее доме. Вместе с Сашкой они, сменяя друг друга, сидели возле совсем потерявшейся от горя Маруси. И в какой-то момент Мишка, жалея ее, горько рыдающую, чуть было не проговорился о своих чувствах, но вовремя остановился, сообразив, что ей сейчас не до него.

Перед пятым курсом Михаил, уставший от безутешной любви, решил жениться. Назло всем и, прежде всего, себе. Любовь к Машке так сильно держала его за горло, так душила и угнетала, что он, спасаясь от одиночества, с радостью кинулся в сети, ловко расставленные для него юной соседкой по даче. Девчонке тогда исполнился двадцать один год, и она, давно страдая по молодому красавцу, постоянно искала поводы для неожиданных встреч.

Свадьба случилась, но счастья никому не принесла.

Весь пятый курс новоиспеченный муж старательно исполнял роль женатого человека. Встречал и провожал жену, водил в театры, возил к морю, даже иногда готовил по воскресеньям обеды. Но при каждом удобном случае сбегал в университет или в библиотеку. Ему, как воздух, не хватало присутствия Машки, и он, отчаянно томясь дома, все звонил и звонил той, которая даже не догадывалась о его страданиях. Промучившись год, Михаил, как честный человек, все рассказал жене и, прямо перед защитой диплома, молодожены расстались.

После окончания университета стало чуть легче. Михаил, как и предсказывал когда-то отец, отправился работать на телевидение, а Мария осталась в университете на кафедре. Встречались они теперь чуть реже и болтали по душам не так часто. Мишка сбросил вечное напряжение, встряхнулся и приободрился, даже попытался опять ухаживать за девушками.

Он честно старался ее забыть. Но... Любовь к Марусе не отпускала.

Порой Михаилу даже казалось, что это не любовь, а наказание за что-то. В минуты отчаяния, тоски и уныния он мучительно искал причины посланного ему испытания. Скрывая от всех свою зависимость от этой женщины, Михаил терял присущие ему радость и легкость. Только бабушка, глядя на своего любимца, вздыхала украдкой. Догадываясь о причинах его грусти, она качала головой, умоляюще глядя на иконы: «Спаси, Господи... Защити от напастей. Сократи его испытания. Пошли ему заслуженное счастье».

Время утекало. Не помогали ни новые знакомства, ни интересная работа, ни длительные командировки, ни встречи с женщинами, ни алкоголь. Эта его единственная любовь намертво вцепилась в него руками и зубами. Она так крепко держала Михаила, что он, едва вернувшись из любой поездки, со всех ног неслся в знакомый дом.

– Привет, Машка, – с тихим блаженством произносил он, переступая порог давно знакомой квартиры.

В те минуты, когда видел ее радостные глаза, слышал негромкий голос, его переполняли невероятные упоение и удовольствие. Михаил вновь убеждался: только рядом с ней, этой вредной Машкой, он по-настоящему счастлив.

Всякое бывало: они ссорились и мирились, но отношения их не менялись. И он, на пороге своего тридцативосьмилетия, любил Марию так же сильно, как в первый год их знакомства. Он любил, а она по-прежнему ничего не замечала.

Глава 6

Михаил появился на пороге ее квартиры часа через полтора.

– Ты чего сияешь, как медный пятак? Клад нашел? – недовольно буркнула Маруся.

– А может, – хитро прищурился Мишка, – это я тебя так рад видеть...

– Тоже мне, нашел радость, – отмахнулась Маруся. – Давай, проходи. Чего хочешь? Чаю или кофе?

– Эх, Машка, Машка, – Михаил прошел за ней в комнату, – ничего-то ты не понимаешь в жизни!

– Да ты что? – она хмыкнула. – И в чем же ее прелесть?

– Во всем, – Мишка широко раскинул руки. – В этой дурацкой погоде, в моей работе, в тебе...

– Вот-вот, во мне особенно. Что-то никому, кроме тебя, я не кажусь носителем счастья и радости. Это ты, по старой дружбе, мне просто льстишь.

– Да чего льстить-то? – Михаил пожал плечами. – Когда ты глупости делаешь, я тебе так и говорю, что ты дура душой, а когда совершаешь нечто прекрасное, – до небес превозношу.

– Ты часом не выпил? – зыркнула на него Маруся. – Что-то тебя на философские размышления потянуло...

– Вот я и говорю, не ты умеешь радоваться жизни. Просто радоваться. – Мишка обиженно махнул рукой. – Давай чаю что ли...

Они прошли на кухню, включили чайник.

– Боже, – спохватилась Маруся, – ты совсем голову мне задурил своими выдумками. Где фотография-то? Или забыл, зачем приехал?

– А просто так к тебе уже и приехать нельзя? – усмехнулся Михаил.

Маруся легонько шлепнула его по затылку.

– Можно, конечно! Не прибежняйся, ты ж мой самый любимый друг и товарищ! Самый надежный и верный!

– То-то же, – довольный Михаил ласково глянул на нее. – Почаще это говори, может, до тебя дойдет смысл слов.

– Хватит, болтун, – рассмеялась Маруся. – Неси фотку быстро.

– Вот, смотри, – Михаил подал ей старую, пожелтевшую от времени фотографию.

– Где ты ее откопал? Это же я здесь...

На выцветшем от времени снимке молодая женщина держала на руках младенца.

– Ты? – Мишка недоверчиво нахмурился. – Как определила? Мне кажется, это только что родившийся малыш. Они все, на мой взгляд, одинаковые...

– Нет, нет, это точно я! У меня есть почти такая же карточка. Сейчас покажу.

Она достала с полки большой старый альбом с фотографиями. Такие альбомы лежали в шкафах почти всех семей Советского Союза: объемные, с бархатными или кожаными обложками, с прорезанными для карточек листами, переложенные тончайшей папиросной бумагой...

Маруся лихорадочно листала альбом, возбужденно что-то бормотала, подбирала выпадающие снимки. Мишка, забыв обо всем на свете, смотрел на нее и чувствовал, как от любви к этой сумасбродной, вечно занятой торопыге плавится в груди его неумное сердце. Как от нежности к ней, такой близкой и далекой, такой нежной и строптивой, стучит и стучит в висках...

– Эй, Мишка, ты что, спишь?

– Нет, конечно.

– А чего уставился в одну точку? Или мечтаешь о чем-то? Ты не слышишь, что я тебе тут рассказываю?

– Да слышу я все, – отгрызнулся он. – Нашла что искала?

– Ну, вот же!

Она подошла к нему так близко, что Мишка уловил аромат ее волос, и еле сдержался, чтобы не обнять девушку...

– Показывай, – пересилил он себя.

– Вот же, смотри, – Маруся сунула ему под нос старую фотографию.

Мишка присмотрелся. Да, точно. Абсолютно такая же картинка: женщина держит на руках того же самого младенца.

– Да ведь это то же самое, – удивленно произнес он.

– Нет, – Маруся схватилась за голову. – В том-то и дело. Такая да не такая! Присмотрись. На моей фотографии меня держит на руках мама, а на той, что ты принес, – чужая женщина, совершенно мне не знакомая. Понимаешь?

– Машка, ты только не злись. Но я что-то не соображу, чего ты взбеленилась? Чего волнуешься? Ну, сфотографировалась твоя мама с тобой на руках. Потом передала тебя кому-то еще, и та дама тоже сделала такое же фото. Логично?

Маруся, отмахнувшись, взяла в руки принесенный Михаилом снимок и все смотрела и смотрела на него, внимательно и сосредоточенно, словно пыталась найти ответ на только ей понятный вопрос. Потом перевернула фото и, приглядевшись, побледнела.

– Вот... Мишка, – прошептала она и ткнула пальцем на обратную сторону фотографии. – Ты только посмотри!

– Ну, что еще? Я ж тебе по телефону уже сказал – там надпись странная!

– Но ты же не прочитал. А я прочла! Наклонись, читай.

Михаил приблизился, прищурился, добросовестно пытаясь прочитать чьи-то каракули.

– Ну? Ты видел это? – Маруся судорожно схватила его за руку.

Мишка сделал умное лицо, помолчал и вкрадчиво произнес, стараясь ее не обидеть:

– А что особенного я должен увидеть? Ну, написал кто-то на обратной стороне какой-то адрес... Я правильно понял? Это адрес?

– Ты дурак что ли? – Маруся расстроено обернулась к нему. – Или издеваешься?

– Ты зачем шарady загадываешь? – Михаил и сам занервничал. – Можешь просто, без обмороков и закатывания глаз, объяснить, что такого страшного или ужасного в этих двух фото? Что ты мне все тычешь их в лицо? Язык у тебя для чего? Говори по-человечески!

Маруся, вздохнув, взяла в руки оба снимка и положила их на стол.

– Хорошо. Объясняю спокойно. Смотри. Здесь и здесь я на руках у разных женщин. На этом снимке – моя мама, на втором – не знаю кто. А теперь это посмотри, – она перевернула снимки обратной стороной. – Вот. Надписи читай. На первом снимке, где я с мамой, написано: «Маруся. Пятый день». Видишь? Маминой рукой написано. А на втором, где я с чужой женщиной, написано: «Мария. Четыре дня от рождения». Это чужой почерк. И дальше адрес. Ведь это адрес чей-то? «Улица Комсомольская, дом семнадцать, квартира восемь». И дальше, после адреса, вот, читай: «Всегда жду». И самое важное, эта чужая женщина лежит в кровати. Ты видишь? Лежит! И держит меня на руках!

– Да... Тайна, покрытая мраком, – Михаил почесал затылок.

– Вот и я о том же, – Маруся задумчиво поглядела на него. – Как такое может быть? Получается, в четыре дня от роду я фотографируюсь с одной женщиной, которая при этом лежит в халате на кровати, а в пять дней – с другой? Ну, это еще, наверное, можно как-то объяснить. Но почему она лежит? И потом... Ведь в четыре дня от роду я должна быть еще в роддоме с мамой? И вот еще вопрос: что это за адрес? И почему она написала: «всегда жду»? Кого ждет? Меня? Маму? Или кого-то еще?

– Ой, Машка, ты меня совсем запутала, – Михаил потряс головой и рухнул в кресло. – Давай начнем сначала...

– Давай, – она взяла стул и села напротив. – Начинай.

– Значит так... Во-первых, непонятно, что это за женщина. Откуда она? Почему лежит? Почему написала адрес? Во-вторых, кто спрятал эту карточку в конверт и положил в книгу Драйзера, которую уже лет двадцать никто в руки не брал? В-третьих, кому адресована последняя строчка «всегда жду»? Все?

– И в-четвертых, кто сделал эти одинаковые фотографии? – грустно усмехнулась Мария. – И для чего?

– Ну, все, – Михаил развел руками. – Это готовый детектив. И что ты собираешься делать?

– Думаю, у меня нет выбора.

– То есть? – напрягся Михаил.

– Буду искать эту женщину. Я должна во всем разобраться. Что-то тут не то. Понимаешь, мама с бабушкой так неожиданно погибли, что я ничего не успела у них спросить. Молодая была, глупая, ни о чем не думала, занималась тем, чем хотела. Теперь вот повзрослела, а спросить не у кого. И ведь, как оказалось, я ничего не знаю. Ни про отца, ни про его родственников. Мама, кстати, никогда о нем не рассказывала. Никогда! Будто и не было его в нашей жизни. Но ведь он был... – Маруся грустно улыбнулась. – Только помню, лет в десять я спросила, почему у меня нет папы. Мама покраснела, растерялась, а бабушка ее опередила... Сказала, погиб он. Конструктором был. На испытаниях каких-то машин погиб. Вот и все.

Михаил, ощутив ее переживания, подошел к Марусе, обнял за плечи и заглянув в огромные голубые глаза.

– Знаешь, Машка, что я думаю... А может, и не надо ничего узнавать? Не нужно никого искать. Кто знает, во что это выльется. Если мама тебе ничего не рассказывала, значит, не стоит ворошить былое. Прошное, Машка, не всегда бывает радостным и светлым. Может, имеет смысл убрать фото в конверт, спрятать в книгу да и забыть? Ты сто раз отмерь, прежде чем отрезать. Наши предки так говорили, а они уж точно были не дураки!

Маруся прошла по комнате, остановилась у окна и, глядя туда, за стекло, попыталась осмыслить события дня.

– Нет, Мишка, что-то мне подсказывает, я уже не смогу отпустить эту историю. Буду постоянно накручивать себя. Не дадут эти фото мне спокойно жить, ты же знаешь мой дурацкий характер.

– Дурацкий – точно подмечено. А если серьезно, – он вздохнул, – то как решишь, так и будет. Хочешь искать – будем искать. Ты же помнишь, я всегда рядом.

– Мишка, как же я рада, что ты у меня есть! Ты настоящий друг! Спасибо тебе.

Они еще долго сидели. Разговаривали, смеялись, пили чай. Потом прощались, опять болтали у лифта, забыв о времени.

Ночь плыла над огромным городом. Накрыла необъятным темным покрывалом дома, площади, переулки. Раскинула свои сети, убаюкала, укачала. Спела детям колыбельную, взрослым подарила объятия и признания. Утонула в тишине, притихла в покое и молчании.

И только проворный месяц все метался и шнырял между тучами, заглядывал в окна, подмигивал звездам и подгонял рассвет. Уж он-то, бродяга, точно знал, что день умирает, чтобы воскреснуть снова. И что никогда нельзя терять надежду, ведь только она помогает спасти веру и сохранить мечту.

Глава 7

Сентябрь перевалил за третью неделю. Ночи становились все темнее, длиннее и холоднее. Сердитый ветер, завывая, капризно стучал в окна, пытаясь проникнуть в теплые квартиры. Дождь, колючий и злой, постоянно поливал город, будто хотел утопить тех, кто еще горевал по ушедшему в небытие лето.

Багряно-золотой наряд деревьев поблек, стал темнеть. Листья осыпались, образуя под деревьями желто-грязную, начинающую гнить, массу. Прохудившееся небо, давно утратившее свою первоначальную высоту, казалось дырявой перевернутой чашей. Серость, унылость и подавленность царствовали в промокшем городе...

Александра выбралась из такси и, выгрузив прямо на землю сумки с продуктами, с трудом разогнула спину.

– Обалдеть, – вздохнула она. – И зачем я столько всего набрала? Не дотащу...

Саша беспомощно оглянулась, словно надеялась обнаружить помощника или носильщика. Никого... Только на лавочке возле подъезда сидел грязный мужичишка, сгорбившийся от холода и абсолютно промокший.

Обреченно поджав губы, Александра наклонилась и попыталась поднять полные сумки. То хватала каждой рукой несколько пакетов, то перекладывала их из одной руки в другую, то подхватывала сразу несколько штук под донышко, пытаясь не рассыпать содержимое...

Ничего не получалось. Когда же, в конце концов, кочан капусты вывалился из сумки и покатился по грязной дорожке, Александра, чертыхаясь, оставила безуспешные попытки и решительно обернулась к незнакомцу, по-прежнему мокнущему возле подъезда.

– Эй, мужик! Слышишь?

– Вы мне? – человек угрюмо поглядел на нее.

– А ты еще здесь кого-то видишь? – раздраженно выдохнула Александра.

Мужчина, стряхнув капли дождя с лица, равнодушно пожал плечами.

– Эй! Так и будешь сидеть? – проклиная бесконечный дождь, запальчиво крикнула Александра.

– А что? Я вам мешаю? – он опять пожал плечами и поднял повыше ворот грязного пиджака.

Александра, уже промокшая, свирепо глянула на незнакомца.

– Вот придурок! Просто истукан какой-то! Слушай, помоги сумки донести. Видишь, рук не хватает!

Мужичок внимательно поглядел на нее, медленно встал и шагнул к ней. Александра, внутренне ахнув, изумленно уставилась на него. Он оказался очень высоким, широкоплечим.

– Да ты просто великан, – не сдержала она удивления. – А сидел на лавочке как воробей общипанный...

– Почему вы мне тыкаете? – выдал незнакомец.

– Во фрукт, – Александра поперхнулась от неожиданности. – Ты посмотри на него! Бродяга, а еще хамит!

– Я не бродяга. И ничего плохого не сделал. Но вам с удовольствием помогу.

– Берите вон те сумки, а я пакеты возьму, – не стала препираться Александра.

Она, наклонившись, потянулась к синим объемным пакетам, но незнакомец мягко отстранил ее и легко подхватил все пакеты в одну руку, а все сумки – в другую.

– Ого! Ну, ладно, – пробормотала растерянная Александра и пошла вперед, показывая дорогу.

На пятый этаж девятиэтажного дома они поднимались на лифте. Мужчина, войдя в крошечное лифтовое пространство, аккуратно прижался к стене, чтобы случайно не коснуться сварливой женщины, но сумки на пол не поставил. Так и держал в руках, пока ехали.

Александра оценила его деликатность и осторожно, исподтишка, внимательно оглядела незнакомца. Высокий, статный, худощавый, темноволосый... Больше ничего рассмотреть не удалось – лифт остановился на площадке пятого этажа.

Мужчина вышел первым и встал, ожидая распоряжений. Александра, демонстративно прошагав несколько шагов, притормозила у своей двери и качнула головой, не глядя на него.

– Сюда.

Он послушно донес покупки, поставил все у двери.

– Всего доброго, – незнакомец поспешил к лифту.

– Эй, эй... Вы куда?

– Сумки ваши я донес. Что еще?

Она замялась, но через мгновение оправилась и, вернувшись в привычное расположение духа, лишь развела руками.

– В квартиру внесите. Я заплачу. Вы денег хотите?

– Каких денег? За что? – изумился мужчина.

– Ну, за помощь...

– Я пойду лучше. Не нужно мне ваших денег.

Он развернулся и так стремительно побежал по лестнице, что она не успела его остановить.

– Скажите, пожалуйста, какие мы обидчивые. Ну и проваливай, подумаешь...

Дождь, противный и колючий, поливал город еще два дня, а на третий немного успокоился. Но низкое небо, перепаханное рваными темными тучами, не обещало ничего радостного. Сентябрь, лишивший горожан долгожданного «бабьего лета», по-прежнему больше казался октябрём, сумрачным и холодным, чем золотым и багряным первенцем осени. Рассветы становились все мрачнее, повсюду пахло сыростью, промозглостью и веяло тоскливостью и угрюмостью.

Но что делать... Погода погодой, а жизнь ведь никто не отменял. Поэтому горожане, одевшись потеплее и прихватив зонтики, торопились по своим делам, стараясь не отвлекаться на мысли о грядущих холодах.

Александра проводила в своем центре творческий вечер, посвященный поэтам Серебряного века. В качестве гостя пригласили и Марусю, которая с удовольствием читала стихи любимой Ахматовой, рассказывала о ее трагичной судьбе и о квартире-музее в Петербурге.

Вечер получился трогательным, теплым и очень домашним. После чтения стихов дети и гости пили чай с пирогами, угощались вареньем и другими сладостями.

Когда мероприятие завершилось, Александра кивнула Марусе.

– Ну, что? Поехали домой?

По дороге они еще успели поболтать, обсудить новую кофточку Александры, странную соседку из второго подъезда и удивительно холодный сентябрь. Возле своего дома, они, не сговариваясь, прибавили шагу – уж очень хотелось поскорее в тепло. Вдруг заметили на детской площадке мужчину, одиноко сидящего на лавочке возле качелей.

– Ты только посмотри, – недовольно кивнула Мария. – Опять какой-то бомж на детской площадке отирается...

– О! Я его знаю! Эй, мужик! – Александра ринулась в сторону качелей. – Эй, слышишь? Это опять ты?

Мария, догнав ее, нервно дернула подругу за рукав куртки.

– Остановись. Ты куда? Куда тебя несет, глупая? Вдруг у него нож или еще что-то?

– Перестань, – отмахнулась подруга. – Я его знаю.

– Кого? – Мария остановилась. – Не подходи к нему, слышишь?

Сашка обернулась к ней и весело пожала плечами.

– Говорю же, я его знаю. Стой там. Сейчас я приду.

Но Мария, волнуясь за свою непутевую подругу, пошла за ней. Дойдя до детской площадки, Александра остановилась возле сидящего на качелях человека.

– Эй! Ты чего опять здесь?

Мужчина поднял на нее удивленный взгляд.

– А, это снова вы? Что? Опять деньги предлагать станете?

Мария занервничала. Дернула подругу за полу куртки сзади и зашептала в спину:

– Что он несет? Какие деньги? Пошли домой! Саша, пошли быстро домой!

Александра насмешливо прищурилась, разглядывая замерзшего человека. Тот, съезжившись и подняв воротник пиджака, демонстративно отворачивался от назойливой прохожей.

– Слушайте, что вы пристали? Чего хотите?

– Вот наглец, – Александра усмехнулась. – Что? Будешь здесь ночевать?

– Послушайте, дамочка, – мужчина резко поднялся, – отстаньте вы от меня, ради бога! Чего вам нужно? Может, опять сумки донести? – Он сердито отвернулся, собираясь уйти.

– Что ты к нему пристала? – Мария, не выдержав, забарабанила по спине подруги. – Кто это? Пойдем, от греха подальше!

Но Александра уже закусил удила и, отодвинувшись от Маруси, злорадно выкрикнула:

– Я же вижу, идти тебе некуда. Что ж ты нос воротишь?

Мужчина резко остановился.

– Да что ты прилипла ко мне? – покраснев от негодования, неожиданно перешел на «ты» незнакомец. – Тебе что, улицы жалко? Иди своей дорогой...

Александра обиженно замолчала, а потом развела руками.

– Вот, пожалуйста... А потом говорят, народ у нас безразличный. Тут и хочешь помочь, да не можешь. – Она сердито обернулась к подруге. – Ну, что? Чего дергаешь меня? Идем да идем! Не жалко тебе человека?

Саша рванула к подъезду. Мария, ничего не понимая, кинулась за ней, еле поспевая, перепрыгивая лужи и обходя грязь на тротуаре.

– Господи! Да подожди же, куда понеслась? Что за день такой! Да постой же! Что ты как с цепи сорвалась? Можешь спокойно объяснить, кто это? Этот бомж тебе знаком что ли?

– Знаком, – пробормотала Александра. – Сумки мои нес два дня назад.

– Боже мой, – Мария чуть не поперхнулась, – час от часу не легче. Какие сумки? Куда нес? Почему он?

– Маруся! Что непонятно? Я шла, сумки тяжелые, он сидел, потом сумки донес и ушел. Это понятно?

– Это понятно, – кивнула растерянная и ничего не понимающая Маруся. – Но все же я не поняла... Он кто?

Александра прислонилась к стене лифта, сердито глянула на подругу и вдруг захохотала.

– Кто? Кто? Дед Пихто! Маруся, он просто человек. Мужчина с улицы. Я вижу, он порядочный, и чувствую, что с ним беда приключилась. Вот и хотела помочь. Поняла теперь?

– Теперь поняла, – послушно кивнула Маруся.

«Просто белиберда какая-то – бомж, беда, помощь, сумки...» – недоумевала мысленно Маруся. Но Сашке об этом решила не говорить, зная ее взрывной характер.

Они поднялись на лифте до пятого этажа. Постояли, поболтали о том, о сем... Потом, распрощавшись, разошлись по квартирам, договорились попозже созвониться.

Глава 8

Войдя в квартиру, Александра долго стояла у зеркала в прихожей. Задумчиво поворачивая голову то в одну сторону, то в другую, она не разглядывала себя, а словно хотела заглянуть внутрь той женщины, что отражалась в загадочном серебряном стекле. Потом, нахмурившись, вздохнула, прошла в комнату, переоделась в легкий халатик, умылась и отправилась на кухню. Там, включив чайник, подошла к окну.

Уже совсем стемнело. Желтые круги тусклого фонарного света расплзлись по всему двору. Проснувшийся ветер швырял в прохожих охапки уже увядших листьев. Где-то хлопала входная дверь да изредка слышался детский плач – у соседей недавно родился внук.

Александра обвела взглядом притихший двор и вдруг нахмурилась. На детской площадке, совершенно пустой, так и сидел понурый одинокий мужчина. Александра, конечно, не видела его глаз, но отчего-то ей казалось, что они полны тоски и отчаяния.

Прикусив губы, она угрюмо побарабанила пальцами по подоконнику, тяжело вздохнула, а потом вдруг резко развернулась, и, как была, в легком халатике, выскочила на лестничную площадку.

Не дожидаясь лифта, Александра выбежала из подъезда, пронеслась по двору до площадки и затормозила перед остолбеневшим от неожиданности мужчиной.

– Быстро вставай и двигай за мной, – скомандовала она. – Если не хочешь, чтобы я простудилась, поднимайся скорее. Ну?

Опешивший незнакомец послушно встал с лавочки и безропотно двинулся за Александрой.

Они молча вошли в лифт, без слов доехали на пятый этаж и в полном же молчании переступили порог ее квартиры. Мужчина, закрыв за собой дверь, недоуменно остановился у входа. Он сконфуженно переступал с ноги на ногу, очевидно, стыдясь своей нечистой обуви. Хозяйка, стараясь не глядеть на него, чтобы не смущать, сбросила промокшие тапочки.

– Ну же, снимайте свой пиджак, разуйтесь и проходите... Туда... В комнату.

– Как это? – незнакомец растерянно посмотрел на нее. – Не боитесь? Вы же меня совсем не знаете.

– И что? – она запальчиво глянула на него, сдвинув брови. – Убьете меня?

Он, обескураженный ее прямоотой, нерешительно качнул головой.

– Нет, конечно. Но... Я – чужой человек. Народ сейчас даже тени своей боится, а вы меня в квартиру зовете...

– Во-первых. Не смотрите, что я меньше вас ростом. Я – сильная и смелая, и сама задушу любого, понятно? А во-вторых, уж в людях-то я разбираюсь. И вижу, что человек вы, хоть и запущенный, грязный и неопрятный с виду, но внутренне – беззлобный и растерянный. Вот так. У меня глаз – алмаз. И не вздумайте мне перечить, – она прошла в комнату и поспешно вернулась. – Нет. Не проходите, постойте там. Я сейчас...

Мужчина обреченно замер у входа. Минуты через две Александра опять показалась в коридоре и положила на низкую тумбу под зеркалом стопку вещей.

– Так... Ванная комната справа. Вот полотенце, вымойте руки и умойтесь. Это футболка и брюки папины. Он у меня такой же высоченный, как вы. Думаю, подойдет.

Пораженный происходящим, мужчина долго молчал, боясь даже дышать. Стоял, то сжимая ладони, то пряча руки в карманы, то закручивая пуговицу...

– Ну? Чего стоите? – Саша досадливо сморщилась. – Язык проглотили от счастья? И перестаньте пуговицу крутить, оторвете.

– Нет, – мужчина неуверенно отступил назад, – не нужно этого. Ничего не нужно. Неудобно. Я ведь не попрошайка, мне ничего не надо. Лучше я пойду. Неловко мне, совестно.

Александра, устав от нелепого препирательства, сразу рассвирепела.

– Скажите на милость, какой гордый! А в грязи ходить гордости не нужно, да? Или тебе в бомжа играть больше нравится? Так иди, чего стоишь? Проваливай.

– Да что вы ко мне пристали? То иди со мной, то уходи... Чего вам надо?

– А ничего не надо, – Александра нахмурилась. – Просто жалко тебя, дурака. Я же вижу, ты случайный там человек... Так и пропадешь на улице. Понятно же, что ты не пьяница, не бандит и не воришка. Так сказать, бомж поневоле, да?

Он, насупившись, тяжело вздохнул. Потом решительно шагнул вперед.

– Давайте полотенце...

– Вот-вот, давно бы так, – она усмехнулась. – Молодец! Иди умывайся. Там целлофановый пакет большой, вещи свои в него сложи. Мойся, а потом на кухню иди... Вот туда, прямо дверь.

Когда, спустя минут пятнадцать, он смущенно вошел на кухню, Александра удивленно ахнула:

– Бог мой, да ты просто Аполлон!

Незнакомец и вправду был очень хорош собой: высокий, худощавый, темноволосый, синеглазый, со светлой, без желтизны, кожей. Мужчина казался немного истощенным, измученным, утомленным, но не производил впечатления пьяницы или попрошайки. Сконфуженно опустив глаза, он остановился у дверного косяка, не зная, что делать дальше.

Александра, заметив его робость, одобрительно хмыкнула.

– Вижу, совесть свою ты на улице не потерял. Это здорово! Как зовут тебя, странник?

– Арсений, – тихо отозвался он. – Можно просто Сеня.

– Ого! Арсений? – Александра пораженно захлопала ресницами. – Вот так да! Оказывается, и бомжи бывают с такими роскошными именами!

– Я не бомж. Я ж вам говорил...

– Ну, ладно, ладно, – Александра примирительно улыбнулась, – не дуйся. Никто не собирается тебя ущемлять или оскорблять. Наоборот, я помочь хочу. Ну, садись, чего стоишь? А меня зовут Александра. Сашей можешь называть.

– Спасибо, – мужчина осторожно присел на стул.

– За что? – стоя у плиты, она резко обернулась.

– За доверие, – он внимательно посмотрел на эту странную рыжеволосую женщину с кучей крохотных веснушек вокруг носа. – За милосердие.

Александра, поджав губы, налила в чашки свежесваренный чай, достала варенье, порезала лимон, сыр, колбасу и хлеб. Подвинула все это к гостю.

– Ужина у меня нет. Не успела. Пей чай, ешь бутерброды. Давай... Без стеснения. Заодно расскажешь о себе, откуда ты такой здесь взялся. Должна же я знать, кто папины вещи надел, правда? Не всякому такая честь выпадает.

Арсений, выпив чай, долго смотрел в пустую чашку, о чем-то размышляя. Саша его не торопила. Терпеливо ждала.

– Даже не знаю, с чего начать, – он пожал плечами.

– Начни сначала. Так проще.

– Еще бы знать, где начало... Это ж не клубок, за ниточку не потянешь...

Но все же, вздохнув, начал свой нелегкий рассказ...

Раннее детство Арсения прошло в военном гарнизоне Закавказского военного округа. Танковый полк, базирующийся неподалеку от маленького армянского села, стал для маленького мальчика родным домом.

Семья у них случилась удивительная: мама – армянка, папа – русский. Они служили в полку, поэтому и жили в гарнизонном городке. Мама, стройная черноволосая красавица,

работала медицинской сестрой в госпитале, а папа, офицер, военный инженер по образованию, следил за техническим состоянием танков.

Родители были красивой парой, любящей и счастливой. На праздниках, случающихся в их военной жизни не слишком часто, они вдвоем пели песни, готовили мясо по каким-то особым рецептам. Мама, выбрав крошечные виноградные листья, заворачивала долму, пекла вкуснейший торт Микадои, собственноручно заправляла легендарный мацони.

Но, говорят, счастье долго не гостит в одном доме. Как это обычно бывает, все рухнуло в одну минуту. В начале девяностых годов великое государство распалось на несколько небольших стран, которые так сильно мечтали о своей независимости, что, не подумав о последствиях, с радостью кинулись в эту авантюру.

Начались повсеместное обнищание, непривычная безработица, вдруг проснулись мошенники, стали прокручиваться махинации и возникли липовые денежные пирамиды, отнимающие у растерянного народа последние сбережения. Миллионы людей, сразу оказавшихся без родины, без гражданства, без денег, сорвались со своих привычных мест и двинулись на историческую родину. Из стран Средней Азии, Закавказья и Прибалтики тысячи семей ехали в Россию в поисках спокойствия, работы и элементарного благосостояния.

Родители Арсения, не понимая, что будет дальше с военной частью на территории чужой страны, быстренько подсустились и, воспользовавшись связями отца, перебрались в другой танковый полк, в среднюю полосу России.

Все, вроде бы, и наладилось. Появилась небольшая служебная квартира. Мама опять стала работать в госпитале, отец по-прежнему пропадал в гарнизонных мастерских боевой и транспортной техники. Но все же куда-то пропало то задорное и бесшабашное веселье, которое царило в их доме до переезда.

Арсению тогда едва исполнилось десять лет, и он, уезжая из Армении, оставил там друзей, веселых, беззаботных, умеющих делиться, способных драться и мириться с одинаковым рвением и состраданием, независимо от национальности, материального благополучия и родительской должности. Они просто были равные среди равных.

В новом гарнизоне все складывалось иначе. Отец, с его въедливым и дотошным характером, никак не мог вписаться в команду новых сослуживцев. Дома он, чуть не плача, рассказывал маме о бесхозяйственности, лени и безразличии некоторых однополчан. Мама, для которой это внезапное переселение и без того оказалось тяжелым ударом, тихо его жалела, гладила по голове и что-то ласково шептала.

Ей было несладко в этой новой для них жизни. Ее, армянку по национальности, страшно тянуло обратно, в теплую и солнечную Арагатскую долину. Она, как роза, вырванная из родной почвы, мерзла, сохла и увядала. Привычная работа в госпитале отвлекала от переживаний, но не избавляла от тоски. И кто знает, чем бы все закончилось, если бы не ужасное происшествие, которое спасло маму, но стало губительным для отца.

Арсению тогда только-только исполнилось семнадцать.

Полк готовился к плановым учениям. В то нелегкое время всегда чего-нибудь не хватало: то горючего, то деталей, то боеприпасов... Офицеры нервничали, иногда ссорились, чего-то требовали у вышестоящего начальства, срывались на подчиненных.

Говорят, где тонко, там и рвется. Во время испытаний новой техники что-то пошло не так, и взорвавшаяся машина унесла несколько человеческих жизней. Отец находился близко к месту трагедии. Он остался жив, но ему оторвало ногу и все пальцы на левой руке.

Арсений и теперь помнит тот ужасный день. Рыдающая, сразу поседевшая, мама переселилась в госпиталь, чтобы находиться возле отца, который не хотел жить. Бесконечные комиссии, нескончаемые разбирательства, продолжительные беседы и допросы... Казалось, этому не будет конца и края.

Отцу пришлось уйти в отставку. Перед этим он, выписавшись из госпиталя, всю ночь проплакал. Скупно, по-мужски, судорожно глотая слезы. Уткнувшись маме в плечо, что-то бормотал, горько сетовал на судьбу, просил то воды, то таблеток... И мама, успокаивая мужа, вдруг поняла, что теперь именно она, волею судьбы, оказалась опорой семьи, ее защитницей и поддержкой.

Они уложили свой скудный скарб в несколько больших потрепанных чемоданов и переехали в село к дальним родственникам отца. Сначала жили у них в одной крошечной комнате, потом купили маленький полуразрушенный домик на окраине села, переселились в него и стали привыкать к новой мирной жизни. Отец, уже научившийся управляться одной рукой и привыкший ходить на протезе с палочкой, хозяйничал дома, а мама работала фельдшером в местном медпункте. Так и существовали: на отцовскую пенсию и мамину зарплату.

Жили бедно, отказывая себе во всем, но ведь человек ко всему привыкает. Бог посылает испытания по силам. Вот и они, собравшись с силами, как-то обустроили свой быт, завели кур, поросенка, подобрали бродячую собаку, потерявшую одно ухо в схватке с голодными сородичами.

Мама соорудила грядки, выращивала огурцы, помидоры, зелень, картошку. А уж когда начинали в мае цвести яблони и вишни, посаженные бывшими хозяевами, жизнь и вовсе казалась не такой уж страшной и беспросветной.

После школы Арсений поступил в сельскохозяйственную академию, учился на агронома. Женился на третьем курсе. Мама так радовалась, так сияла, так мечтала, что хоть сын поживет радостно и легко...

Детей у молодых долго не было. А ведь так мечталось о малыше, так хотелось большую семью...

После института жена пошла работать в городской парк, Арсений устроился в лесхоз. И бывает же такое: в год, когда Арсению исполнилось двадцать пять, Бог послал им девочку. Они так радовались, так ждали этого чуда... Мама втайне от всех вязала кружевные шапочки и пинетки, кофточки и штанишки.

А потом мир померк. У ребенка, еще не родившегося, диагностировали порок сердца, причем такой, который надо было исправлять только после рождения. Малышку назвали Варварой. Доктора, глядя на нее, лишь качали головой, но молодых родителей утешали, давали хорошие прогнозы и советовали руки не опускать, а сразу же делать младенцу операцию. Приводили примеры удачных случаев, положительных исходов и благополучных результатов.

Но легко советовать, когда беда тебя лично не касается. Жена Арсения, совершенно потерявшись, все время плакала, не спала по ночам. А потом в роддом приехала ее мать, проговорила с убитой горем дочерью полдня, что-то ей долго внушала и старательно уговаривала. И после ее отъезда заплаканная девушка, пряча глаза, предложила мужу оставить дочку в роддоме. Написать отказ и жить дальше спокойно.

Арсений, едва осознав то, что она сказала, не поверил своим ушам.

– Ты с ума сошла? Это же наша дочь!

– Она больна, – отворачивалась, рыдая, супруга, – она может умереть.

– Она не умрет, – Арсений пытался заглянуть в ее глаза. – Мы будем ее лечить. Слышишь? Это же не смертельно.

– Я не хочу ее мучить и не хочу сама мучиться.

– Хватит! Замолчи! Я не хочу слушать!

– Мы молодые, у нас еще будут дети. Здоровые дети, – она умоляюще смотрела на него.

– Это не ты говоришь! Это не твои слова, – Арсений схватил ее за плечи. – Ты не можешь так думать! Ты же девять месяцев ее под сердцем носила...

Но супруга, следуя советам матери и чувствуя ее поддержку, твердо стояла на своем. Уговоры не помогали. Ни просьбы, ни угрозы не смогли пробудить в ней сострадание к этой крохе, лежащей в соседней палате и ждущей помощи от своих родителей.

Жена написала отказ от ребенка, уехала рано утром, не попрощавшись. Арсений, просидев возле колыбели дочери всю ночь напролет, следующим утром подал заявление на развод.

Вареньку они с мамой забрали из роддома. Доктора напоследок долго с ними беседовали, что-то объясняли маме, вручили объемную папку с выписками и направлениями. Арсений в подробности не вдавался, он понимал только одно – операции не избежать. Знал, что времени у них совсем мало. Но знал и другое – денег в их семье нет и взяться им неоткуда.

Но мир не без добрых людей. Милостью земля полнится. Бабы по селу быстро слух разнесли. Пошептались соседи, посудачили...

Однажды утром в дверь их ветхого дома постучали. Отец распахнул дверь. На пороге стояла соседка, вдова погибшего прошлым летом тракториста Клавдия.

– Тебе чего, Клав? – удивился отец.

Она, наклонив голову, закутанную в черный вдовий платок, прошептала:

– Доброе утро, сосед.

– Доброе, коли не шутишь, – недоуменно ответил мужчина. – Что-то случилось?

– Нет. Не волнуйся, – Клавдия улыбнулась краешком бледных губ и протянула что-то, завернутое в обычный школьный листок в клетку. – Это вам.

Отец, нахмурившись, взял у нее эту бумажку, осторожно развернул ее и замер... Внутри аккуратной стопочкой лежало несколько очень мелких купюр.

Клавдия, смущенно опустив глаза, заторопилась:

– У вас беда. Малышке операция нужна. А сейчас все дорого. Возьмите, от чистого сердца. Все, что смогла! Пусть ребенок лечится.

Она подняла глаза на мужчину и осеклась... По лицу соседа текли слезы. Они струились по загорелому лицу, собирались в морщинах и капали на темную майку, оставляя на ней мелкие бесформенные пятна.

И пошли, пошли люди...

Собирали всем миром: сельчане, узнав о такой беде, несли последние копейки, бывшие сослуживцы отца собрали большую сумму, родственники матери из Армении отправили гонца с пакетом, в котором лежала весомая пачка денег.

Неравнодушных и милосердных оказалось гораздо больше в этом сумасшедшем мире. Люди звонили и приезжали, писали и посылали переводы. Мама, получая деньги, плакала от счастья и молилась в церкви за каждого, кто щедростью своей добавлял лучик надежды на выздоровление крошечной Вареньки, ожидающей в колыбельке своего часа.

И этот час настал. Операцию сделали в полгода. И судьба, уставшая им противостоять, вдруг смиростивилась. Проявила сострадание и благословила девочку, подарив ей жизнь.

Мир заиграл новыми красками, наполнился чудесными звуками. Варенька озарила их дом бесконечной радостью, подарила умиление и давно забытое блаженство. Все они: и мама, и отец, и соседи, и, конечно, Арсений, с замиранием сердца следили за каждым ее шагом, каждым вздохом, каждой улыбкой. А она, изумляя всех, быстро пошла на поправку после операции, хорошо набирала вес, рано научилась сидеть и стоять.

И они опять зажили так же спокойно, как в те далекие времена, когда Арсений сам был ребенком.

Александра, слушая рассказ Арсения, качала головой. Заметив, что он волнуется, вспоминая былое, она решила его немного отвлечь, чтобы успокоился.

– Хочешь еще чаю? – спросила она.

– Что? – не понял Арсений.

– Чаю хочешь еще?

– Хочу! Спасибо, – он вдруг широко улыбнулся и сделал несколько глотков ароматного горячего напитка. – Не устали еще?

– Нет, – она подперла щеку рукой. – Рассказывай дальше.

Семья требовала и больших забот, затрат и усилий. Арсений, понимая, что теперь вся ответственность за их жизнь и быт легла на его плечи, старался изо всех сил: перевелся на заочное отделение, пошел работать в хозяйство местного фермера, занимался ремонтом дома...

Он валился с ног от усталости, но стоило маленькой дочери обнять его за шею, прижаться кудрявой головкой к его груди, как непонятно откуда появлялись и силы, и настроение... И мысли светлели, и надежды просыпались, и мечты одолевали... Все казалось возможным и достижимым.

Когда девочке исполнилось десять лет, вдруг объявилась ее мать. Свалилась им на голову непонятно откуда. Приехала, как ни в чем не бывало, зашла в дом, по-хозяйски окинула взглядом небольшую комнату. Кинулась к изумленной девочке, сжала в объятиях, всплакнула. Расцеловав дочку, разложила гостинцы.

– В жизни всякое бывает, – заявила она. – Я сделала глупость, а теперь приехала ее исправить. По молодости мы все ошибаемся, оступаемся. Теперь я повзрослела и, нравится вам или нет, но я вот что решила, – она прижала к себе Варьку. – Варвара уже большая. Ей в городе надо жить, учиться в хорошей школе, музыка и языки тоже нужны. А здесь, в этой глуши, что ей светит? В коровнике будет работать? Огород ваш копать и поливать? Ну, уж нет! Пожила она с вами, теперь со мной проживет.

Мать Арсения, услышав это, резко встала.

– Ты свои правила нам не диктуй. Ты этому ребенку никто и звать тебя никак, поняла? Забыла, как отказ от нее в роддоме написала? Так что, как говорится, вот бог, а вот порог. Уезжай и забудь сюда дорогу.

Бывшая невестка не испугалась. Спокойно собрала свои вещи, поправила прическу и перевела взгляд на смущенную девочку.

– Ну, что? Поедешь со мной?

Дочка, никогда ее не видевшая, растерянно оглянулась на отца, на побледневшую бабушку и, опустив голову, робко прошептала:

– Нет. Я с папой останусь.

Женщина словам ее не придавала значения, не поверила. Повела Варьку в сад, что-то долго рассказывала ей, показывала фотографии, уговаривала... Но ничего не вышло.

Вечером, уже уезжая, бывшая супруга пригрозила Арсению:

– Не надейся, что так все оставлю. Я еще вернусь. И Варьку все равно заберу.

Потрясенные ее появлением, они долго приходили в себя. И вдруг Арсений понял, что если она появилась один раз, появится и еще. От нее всего можно ожидать. И тогда он решил переехать в Москву, чтобы скрыться в большом городе от этой женщины, от ее угроз и неожиданных появлений.

Вечером они с родителями битый час обсуждали, как ему в незнакомом городе найти работу и жилье. Решили, что для начала он отправится к отцовскому родственнику, давно живущему в Москве. Устроится, обживется, а потом и девочку заберет. Отец позвонил двоюродному брату, получил его согласие, и Арсений, записав адрес в крошечной записной книжке, радостно засобирался.

Мать, волнуясь, спросила напоследок:

– Ты адрес-то запомнил?

– Зачем? – Арсений ласково обнял ее. – Я все записал. Хотя название улицы-то запомнил – Симферопольский бульвар. Уж больно красивое название, наверное, где-нибудь на юге города и находится. – Он обернулся к дочери. – Устроюсь, и заберу тебя. Ты только бабушку с дедом береги.

– Ну? А дальше-то что? – нетерпеливо поинтересовалась Александра.

– А дальше ничего хорошего. Результат вы видели.

Он грустно улыбнулся и продолжил...

В междугородном автобусе, который шел до Москвы целую ночь, рядом с ним сел молодой человек. Обычный, ничем не примечательный. Ничего не спрашивал. Мало говорил. Сразу уснул. Ни с кем не общался. Арсений, тоже порядком уставший, долго крепился, глядел в окно, думал о дочери, размышлял о грядущем. Но и его, как на беду, сон сморил.

А когда утром проснулся – ни соседа, ни большой дорожной сумки с записной книжкой и деньгами, ни телефона, ни пакета с теплыми вещами... Ничего! Так он и остался: с несколькими рублями в кармане да пиджачком, в котором вышел из дома. На автовокзале, конечно, отправился в отделение полиции, написал заявление о пропаже, да что толку? Кто искать его вещи будет?

Совершенно разбитый, он почти весь день просидел на автовокзале, глядя в одну точку. Куда идти? Что делать? Голова отказывалась думать, злость и бессилие душили... Возвращаться домой было стыдно.

И он отправился на ту самую улицу, название которой, к счастью, запомнил, искать отцовского родственника. До Симферопольского бульвара мужчина добрался без труда, а вот ни номера дома, ни квартиры он не помнил. Так и ходил от дома к дому, надеясь встретить двоюродного дядьку, которого помнил еще с детства...

В тот день, когда Александра его встретила впервые, он уже совсем потерял надежду. За десять дней поисков успел хлебнуть бездомного «счастья»: и грузчиком подрабатывал, и дворнику помогал, и охранником побывал, и в пьяную драку попал.

Ночевать на улице становилось все труднее. Холод, голод и дождь делали свое дело исправно: он медленно, но верно превращался в грязного, противного бомжа, за которого его и приняла сегодня испуганная Мария.

Глава 9

Маруся, по старой привычке, перед сном решила позвонить Сашке. Она любила на ночь глядя поболтать с подругой, пожелать ей спокойной ночи, обсудить планы на завтра. Но та на звонки не отвечала и не перезванивала. Это показалось Марусе странным и непонятным, поэтому она, недолго думая, накинула халат и позвонила в дверь напротив своей квартиры.

Александра открыла довольно быстро. Приветливо кивнула подруге, но остановилась у порога, не приглашая в квартиру.

– Ты чего так поздно бродишь?

Маруся изумленно округлила глаза, потом перевела взгляд на дверь, которую держала подруга.

– Ну?

– Что ну? – Саша растерянно улыбнулась.

– Что с тобой? – насторожилась Маруся.

– Со мной ничего, – Александра пожалала плечами, – а что?

– Почему не пускаешь в квартиру? Чего глаза блестят? Плакала что ли?

Александра поправила рыжие волосы, собранные в короткий хвостик на затылке, и недовольно сдвинула брови.

– Что ты выдумываешь? Ничего я не плакала. Проходи. Просто подумала, ты уже спать собралась, – она отступила от входной двери. – Ну, заходи же, а то холодно.

Мария встревоженно огляделась, пожалала плечами.

– Я-то точно спать собиралась. А ты почему трубку не берешь?

– Не слышала я...

Подруга явно была чем-то озадачена, и это Марусе не нравилось. Отодвинув Александру в сторону, она медленно прошла по коридору и заглянула в комнату. Никого...

– Ты просто как Пинкертон, – Александра ухмыльнулась.

Но Мария видела, что подруга явно нервничает.

– Какая-то ты не такая сегодня. У тебя все в порядке?

– Конечно, – отозвалась подруга, – просто...

Закончить фразу она не успела, потому что кухонная дверь распахнулась и пропустила в коридор незнакомого мужчину.

Остолбенев от неожиданности, Мария взглянула на него и ахнула! Тот самый бомж с детской площадки, от которого она сегодня еле оттащила подругу.

– Маруся, спокойно! Это не то, что ты подумала, – всполошилась Александра.

Но было поздно. Мария, в голове у которой вспыхнул фейерверк ужасных предположений, притормозить не могла.

– Так... Что здесь происходит? – Она, сжав кулаки от негодования, двинулась на незнакомца. – Как вы здесь оказались? Что вам нужно?

Мужчина, совершенно растерявшись, молчал, смущенно обернувшись к хозяйке квартиры. Александра нервно прикусила губы, а Маруся, запутавшись в самых страшных догадках, пошла в наступление...

– Вы вообще кто?

– Маруся, хватит, – попыталась вмешаться Александра. – Дай объяснить.

– Вот-вот, объясни, почему у тебя в квартире этот бомж? Он что, залез к тебе? Он тебе угрожал?

Тут до Маруси дошло, что мужчина как-то странно одет. Она вдруг поняла, что на нем не те вещи, в которых он бродил по улицам. Она испуганно обернулась к подруге.

– Саша, он вор?

– Маруся, прекрати! Хватит! Все! Я сама его впустила! Сама! – Выпалив все это на одном дыхании, Саша, замерев, выдохнула и развела руками. – Извини, ты не дала мне возможности объяснить все спокойно. Это Арсений. Я сама позвала его в квартиру.

– Я иду домой, – Маруся побледнела от негодования.

– Маруся, пожалуйста, остановись. Выслушай. Я не хотела тебе врать и обязательно бы рассказала, но ты же прешь, как танк, не даешь возможности оправдаться и объяснить.

– Хорошо, – кивнула Мария. – Объясняй. Почему этот бродяга здесь?

– Я не бродяга. И не вор, – выступил вперед Арсений.

– Тогда почему вы в чужой одежде?

Александра поняла, что все бесполезно. Маруся уперлась не на шутку, поэтому она предложила другой вариант.

– Давайте пойдем на кухню, съедем чего-нибудь. А то у меня от нервов поджилки трясутся.

Они прошли на кухню, расселись. Маруся демонстративно отвернулась от незнакомца, сидела, надувшись, и терпеливо дожидалась, пока подруга закончит дела. Когда Александра, накрыв на стол, присела рядом, она требовательно обернулась к ней.

– Ну?

Подруга, сообразив, что сопротивление бессмысленно, рассказала, как два дня назад случайно встретила незнакомца, который помог ей донести продукты до квартиры, как она сразу поняла, что он не бродяга, как хотела дать ему деньги, а он убежал.

Краснея, она вспоминала:

– Он мне сумки вообще не позволил взять, сам все тащил. Ты бы знала, как он в лифте к стене прижимался, чтобы меня не коснуться, не испачкать ненароком! Поразил меня своей деликатностью. А сегодня... Он сидел на детской площадке, страшно одинокий и жалкий. И такой безнадегой от него веяло, что хотелось плакать от отчаяния! Я поначалу не обратила внимания, тебя послушалась, а уже дома поняла, у человека что-то случилось. Ну, не может человек с такими глазами быть пьяницей или бродягой! Я подумала отчего-то, что у него, быть может, беда, понимаешь?

– Понимаю. И что? – Маруся нахмурилась. – Ты решила стать спасателем?

– Маруся, – Сашка занервничала, – ты ли это? Та, которая бежала по пояс в воде к провалившейся в реку старушке... Та, которая, кинулась в огонь, спасая книги... Что с тобой сегодня?

Маруся опустила голову. Долго молчала, теребя пояс на халате. Встала, подошла к окну... Сашка, зная эту ее привычку думать, стоя у окна, немного успокоилась. Понимала, что подруга сейчас размышляет о случившемся, ищет пути решения, подбирает логические объяснения своему поступку.

Арсений сидел как на иголках: то поворачивался к хозяйке квартиры, то глядел на строгую Марию... Он то поднимался со стула, то присаживался опять... То пытался вставить полслова, то, вздыхая, опускал голову.

Наконец, Маруся обернулась к ним, подошла к столу.

– В общем, извините меня. И ты, Сашка, и вы...

– Арсений, – подсказала, хитро улыбнувшись, подруга.

– Да. И вы, Арсений, – продолжила Маруся. – Мне неловко, что я накинулась на вас. Но сейчас такое время... Не знаешь, чего бояться и с какой стороны тебя беда укусит, – она развела руками. – Но все же расскажите мне все с самого начала. Пожалуйста.

Сашка, услышав это, громко захохотала, откинув рыжие волосы.

– Он только что все рассказывал мне, и тоже с самого начала, – она подмигнула Арсению. – Что ж... Придется все повторить на «бис», а то она не отстанет, я ее знаю!

В окнах квартиры на пятом этаже далеко за полночь горел свет. Уставший Арсений, стараясь быть немногословным, пересказывал Марусе свою историю. Пытался укоротить длинный рассказ, но не получалось, потому что Мария вникала во все мелочи и выспрашивала каждую деталь.

– Вот видишь! Ему надо помочь! Давай что-то придумаем, – время от времени дергала подругу за руку Александра, а потом перебивала рассказчика: – Ой! Это очень страшно! Маруся, ты слышишь?

Поначалу это отвлекало Арсения, он останавливался, запинаясь, повторялся... А потом вдруг понял, глядя на этих уставших женщин, что ими двигало не простое любопытство. Что-то другое... Другое, чему он пока не знал названия, но что заставляло его быть откровенным и честным с людьми, которые сердцем приняли и поняли его горе.

Закончив свой рассказ, он, смущенно замолчал. Замер, опустив голову. Маруся, словно очнувшись, вздохнула.

– Значит так, – подвела итог Маруся. – Я вот что думаю. Вам, Арсений, нужно документы новые выправить, для этого надо ехать домой. Не перебивайте. Денег мы вам на дорогу дадим, не возражайте. Потом сочтемся, если это вас так волнует. Когда документы получите, возвращайтесь. Мы с Сашкой поможем вам найти вашего родственника или снять квартиру на первое время. А дальше жизнь покажет. У вас десятилетняя дочь, надо об этом помнить, ей школа нужна. Так что забот много впереди. – А ты собирайся, чего сидишь? – обернулась она к Сашке.

– Куда? – Александра озадаченно дернулась.

– Ко мне. Будешь у меня ночевать, пока Арсений здесь. Ты же, если я правильно понимаю, собираешься его у себя оставить?

– Собираюсь, конечно, – Александра нахмурилась.

– Вот и собирайся, – Маруся хитро улыбнулась. – И тебе спокойнее, и человеку комфортнее. Не будешь мельтешить у него перед глазами.

Когда подруги, отправляясь спать, распахнули входную дверь, мужчина, кашлянув, вдруг смущенно проговорил, робко улыбаясь:

– Спасибо вам! Я даже не знаю, что сказать... Как благодарить... Какие-то вы удивительные! Честное слово, я таких еще не видел!

– Мы еще и не такое можем, да, Маруся? – весело усмехнулась Александра.

– Перестаньте, – устало отмахнулась Маруся. – Я тут на вас наорала, а вы чему-то удивляетесь...

– Ну, что вы... Это же странно: пускаете в дом незнакомца, даете ему еду и одежду. Оставляете ночевать, обещаете помощь. У меня голова кругом. Я думал, сейчас уже таких людей и не бывает!

– Что тут странного – человеку помочь? – задумчиво улыбнулась Маруся. – Это нормально. Просто в нынешнее время мы много чего нормального позабыли. А жаль...

Александра, обняв подругу за плечи, подмигнула.

– Оказывается, ты ошибался! Разные люди бывают. Не зря говорят: на странных мир держится.

Они ушли.

Арсений прошел в комнату, осторожно присел на диван и, обхватив голову руками, замер, прислушиваясь и к себе...

Долгий-долгий день подошел к концу. Вечерний сумрак, щедро перемешавший синий с серым, давно взял в плен уставший город. Тишина, вечная спутница ночи, ласково обняла уснувшие дома. Призрачное безмолвие медленно, но настойчиво вступало в свои законные права. Тишина завораживала и умиротворяла...

Арсений, совершенно обессиленный, упал на прохладную подушку... Впервые за последние дни он спал, как ребенок, безмятежно и счастливо улыбаясь во сне.

Глава 10

Часы пробили восемь. Лидия Васильевна посмотрела на стрелки, замершие в установленном месте, и удовлетворенно улыбнулась. Она очень любила эти старинные часы с боем, доставшиеся ей от бабки с дедом. Они напоминали о далеком-далеком детстве. Она так отчетливо помнила все из ранней поры ее жизни, что иногда даже представляла, что чувствует запах домашних вещей, ощущает покрытие стен и полов, тепло или прохладу окружающих предметов.

Лидия Васильевна, прихрамывая, прошла по комнате, открыла старинный комод, достала еще бабушкин, выдавший виды, саквояж и присела в глубокое кожаное кресло.

Она долго молчала. То ли чего-то ждала, то ли что-то вспоминала, то ли просто набиралась смелости. А потом, щелкнув замком, раскрыла саквояж, извлекла из его глубин несколько детских вещей. Грустно улыбнувшись, развернула первую из них и положила себе на колени.

Замерев, женщина глядела и глядела на кружевную распашонку, боясь пошевелиться. Затем, вздохнув, погладила ее морщинистой рукой, прижала к лицу и застыла, погрузившись в тяжкие думы.

– Жизнь... – горестно пробормотала она. – Сколько глупостей, сколько ошибок! Трагических, глупых, никчемных... И ничего не вернуть, ничего!

Она отложила распашонку, взяла другие вещи. Чепчик, отороченный белым кружевом, пожелтевшим от времени, ползунки бледно-голубого цвета и маленькое атласное покрывальце, больше напоминающее по размеру обычную пеленку...

Лидия Васильевна время от времени прикрывала глаза, тяжело вздыхала. Нелегко ей давались эти свидания с прошлым...

Сентябрьские вечера коротки. Серые питерские сумерки подбирались властно, крепко обнимали дома, набережные и проспекты. С Невы дул пронзительный ветер, привычный для местных жителей и невыносимый для приезжих.

Входная дверь чуть скрипнула, открываясь, потом захлопнулась, и в комнату вошел высокий широкоплечий мужчина лет сорока. Протянул руку, нажал на кнопку выключателя. Поморщился от вспыхнувшего яркого света и удивленно глянул на Лидию Васильевну.

– Мама, опять в темноте сидишь? – он подошел, чмокнул ее в щеку. – С тобой все в порядке?

– Не начинай. Все хорошо, – Лидия Васильевна ласково потрепала сына по плечу.

– Точно? – мужчина внимательно всмотрелся в ее лицо. – Ты бледная, синяки под глазами. Ничего не болит?

– Перестань, – она досадливо отмахнулась. – Я не умру раньше времени, не тревожся. А когда придет время – умру, и ничего тут не поделаешь. Никто не знает, когда это время наступит. Так что успокойся – живу пока живется, пока мои часы не остановятся.

– Мама, опять ты в какую-то философию ударилась, – он кивнул на детские вещи у нее на коленях. – Вот зачем ты опять эти вещи достала? Нравится тебе себя мучить?

– Что ты, сынок... Какое же это мучение? Это милость божия, что прошлое свое я еще не забыла. Это во-первых. А во-вторых, если кому-то и рассказать, как я прожила свою жизнь, никто не поверит. Никто! Скажут – врет бабка. Такого, мол, не бывает. Понимаешь? Слишком уж невероятна моя история. Вот так, милый. То, что мы с тобой оба знаем, на хороший детектив потянет. А это просто жизнь. Моя жизнь, будь она неладна... – Вздохнув, она медленно встала с кресла, собрала вещи, убрала их в саквояж. – Да не стой ты истуканом. Все хорошо. Сказала же: если соберусь умирать, тебе первому позвоню, не волнуйся. Пойдем на кухню. Расскажешь, как в Москву съездил. У нас сегодня борщ. И есть котлеты холодные, разогреть?

– Ого! Все, что я люблю, – Сергей радостно потер ладони. – Давай и борщ, и котлеты подогревай, и хлеба побольше.

Лидия Васильевна расплылась в доброй улыбке.

– Ах, ты мой голодушник! Что ж тебя в Москве не кормили?

– Мам, ну, конечно, я ел. Вопрос – как ел? Это другое дело. Ресторанную еду я не люблю, ты знаешь, а домой никто, к сожалению, не приглашал. В Москве у меня близких друзей нет, а компаньоны, так уж водится, домой не зовут. Так что целая неделя в Москве оказалась настоящим испытанием: без тебя, без Галины, без ее котлет и борщей мне плохо...

Он захохотал, откинув голову назад, а она, обняв его за плечи, ласково хлопнула ладошкой по лбу.

– Ах ты, подлиза! Ну, ладно, ешь скорее, а то от голода язык проглотишь!

Они жили с сыном душа в душу. Сергей вырос заботливым, умным и серьезным человеком. Мать свою обожал. А она, очень его любя, все тревожилась, что такой хороший человек без семьи. Ей, прожившей нелегкую жизнь, очень хотелось для сына простого человеческого счастья.

Лидия, как и любая мать, мечтала о внуках, о заботливой невестке, о семейных обедах, о веселых общих праздниках. Ей хотелось повторения, которое возможно в детях, но чаще всего даруется нам внуками...

Но годы неумолимо бежали, а Сергей все оставался один. То учился в институте, то служил в армии, то создавал свою компанию, то развивал бизнес. Ему всегда не хватало времени, не оставалось сил, руки не доходили...

Мать откровенно нервничала. Сын не молодеел и порой жаловался то на боль в спине, то на желудок... Лидия тревожилась, ходила в церковь, молилась у иконы Пресвятой Богородицы, просила за сына, иногда плакала и все чаще заводила разговоры о детях... Однако Сергей разговоры эти решительно пресекал, отшучивался: «Какие мои годы, мамочка? Успеется».

Мать на время отступала, особо не давила, гасила в себе невеселые мысли, но, чувствуя, что слабеет, опять и опять возвращалась к прежним разговорам.

Женский пол Сергея любил. Еще в институте девушки водили хороводы вокруг него. Он, как ни странно, дружил со всеми сразу и никого конкретно не выделял. Правда, случилась в его жизни однажды влюбленность. Сергей тогда реально проводил много времени с девушкой по имени Мила. Затаив дыхание, Лидия терпеливо ждала продолжения затянувшегося романа, но он вдруг нелепо оборвался, оставив у матери привкус горечи и глубокого сожаления.

Сергей на объяснения не шел, отмахивался от назойливости волнующейся Лидии.

– Перестань, мама. Дались тебе эти девчонки. Вот как найду такую, как ты, сразу женюсь.

– Глупый, – качала головой мать. – Не нужна тебе такая, как я. Я столько раз оступалась... Ты светлый, добрый человек, тебе и жену такую же нужно. А девочек чудесных очень много, ты просто их не разглядел еще.

– Не нравится мне никто. Некого любить, – гнул свое Сергей.

– Как же некого, сынок? Столько прекрасных женщин вокруг...

– Да, – досадливо кивал он. – Они-то, конечно, прекрасные, да я, видно, толстошкурый. Меня красота их не трогает. Не волнуйся, я настоящую любовь сразу узнаю. И обещаю: ни за что не пропущу!

– Ах, ты болтун, – она, смеясь, качала головой. – Вот умру, и не увижу тебя счастливым. Ты уж поторопись, пожалуйста.

Покормив уставшего сына, Лидия Васильевна ушла в гостиную, взяла книгу и, открыв ее на заложенной странице, погрузилась в чтение. Однако вскоре пришел Сергей, присел на диван напротив.

– Как ты здесь без меня жила?

– Как? По-стариковски... – она отложила книгу. – Не волнуйся. Давление не поднималось. Нога пока ходит, косточка болит, правда. Галина вздохнуть не дает, каждый день контролирует. Таблетки добросовестно принимаю.

– Ого, – он удовлетворенно кивнул, – полный отчет. Ну, хорошо. Я этот месяц здесь, никуда не поеду. Будем с тобой по вечерам гулять, пока сильно не похолодало.

– Будем, если ноги позволят, – послушно кивнула мать.

– Болят? – Сергей нахмурился.

– Не то что болят, просто не ходят. Я уж и так, и эдак... И мази, и таблетки, и настойки... Толку никакого. Просто отказываются служить, как и весь мой организм.

– Мам, тебе только семьдесят три, – Сергей вздохнул. – Всего семьдесят три! Не время горевать, еще все впереди.

– Конечно, – она усмехнулась. – Но, как говорится, и рада бы в рай, да грехи не пускают.

Сергей, поболтав с матерью, отправился спать. Лидия Васильевна, незаметно перекрестив его в спину, откинулась на спинку кресла. Она любила эти ночные часы одинокого бодрствования. Вспоминала, анализировала, проживала заново, иногда мечтала. Благодарила, проклинала, горевала и радовалась...

Человеческая натура – странная штука, ей всегда всего мало. Или, наоборот, слишком много. Это уже от человека зависит. Теперь, в свои семьдесят три, она ничего уже, конечно, не могла изменить, но душа ее, не подвластная времени, все возвращалась в былое, все трепетала и тревожилась, словно могла что-то переиначить, обновить, исправить.

Так бывает. Забывая о возрасте, мы вдруг мечтаем о невозможном, летаем во сне и стремимся к совершенству. И хотим перелицевать то, что перекроить, к сожалению, уже невозможно...

Глава 11

Лида родилась в Ленинграде. Нынешний Петербург, бывший когда-то Петроградом и Ленинградом, стал ей и колыбелью, и школой, и судьей. Лидия любила этот удивительный город, который, словно живой организм, так прирос к ней, что она жизни своей не представляла без него, полного загадок, тайн и трагедий прошлого.

Бабушка, потомственная дворянка, происхождение свое скрывала, говорить об этом близким запрещала, но единственную обожаемую внучку воспитывала строго, в полном соответствии с правилами Пансиона благородных девиц, который сама когда-то закончила. Лидочке следовало с утра умываться прохладной водой, кушать не торопясь, используя вилку и нож, изучать два языка с детства, заниматься музицированием и вышиванием. Внучке не позволялось сутулиться, шаркать ногами, возбранялась громкая торопливая речь и легкомысленный смех.

Девчушка, удивительно похожая на мать внешне, характером больше напоминала бабушку.

Мама так и говорила, держась за сердце:

– Боже, мне и одной своенравной родственницы хватало, так нет же, бог послал еще одну такую же!

Бабушка, слыша эти стенания, только поджимала губы и отворачивалась, пряча в уголках глаз счастливую улыбку.

Лидочка родилась мечтательницей. Это не осложняло ее жизнь, но толкало на постоянные приключения. Чего она только ни желала, о чем только ни грезилась по ночам! В детстве мечтала об огромной кукле, непременно умеющей ходить, о волшебном калейдоскопе, переносящем в мир иллюзий, о божьей коровке, добровольно поселившейся на их веранде...

С возрастом мечты менялись, но их не становилось меньше.

Лида мечтала о жарком лете зимой, о тающих во рту сладких дынях, о сводящей скулы кисло-сладкой клюкве. Ей то хотелось купить большую зеленую сумку, то научиться парить над озером, как птица, то, не морщась, жевать толстокожий кислющий лимон... В августе ей срочно требовалось поймать падающую звезду, в сентябре – обязательно перекрасить волосы в розовый цвет, а в декабре – подстричься налысо.

Сначала Лидия решила стать учителем, затем поваром, потом астрономом. Она то отчаянно желала приобрести толстый свитер ручной вязки и длинные тонкие сережки, то порывалась пройти босиком по первому снегу, то страдала оттого, что у нее слишком тонкие щиколотки. Лидочка открыто заявляла о своих желаниях, приводя в смущение родных и близких. Мама, отчаявшись выполнить все ее грезы, только разводила руками, отец, сердясь, крутил пальцем у виска, и лишь бабушка, ласково усмехалась.

– Оставьте ее в покое, – говорила бабуля, – пусть мечтает. Во-первых, это заставит ее стремиться осуществить свои желания, а во-вторых, просто сделает нашу жизнь ярче.

Отца Лидочка видела нечасто. Он, большой начальник в городской администрации, приезжал домой поздно, уезжал рано, с дочерью почти не общался, да и с мамой редко беседовал по душам. У него, как и у всех коммунистов той поры, на уме было только беззаветное служение партии. Отец стремился оправдать доверие товарищей и не подвести больших начальников. Подрастающей девочке даже казалось иногда, что мама вообще по ошибке вышла замуж за отца, уж слишком разными они казались людьми.

Отец – карьерист до кончиков ногтей, всерьез считал, что большая квартира в центре города, спецпайки, государственная дача и персональная машина – достаточное вложение в семейное счастье. Он искренне не понимал претензий жены, которая вечно жаловалась на отсутствие внимания, нежности и ласки.

Отношения между родителями совсем расклеились, когда Лидочка достигла совершеннолетия, но развестись они не могли, потому что это сразу бы сказалось на блестящей карьере отца. Партия разводы не поощряла, считала семью ячейкой общества и требовала сохранения, пусть и внешнего, приличия.

Лидочка, почти не общаясь с отцом, не сильно горевала по этому поводу. Привыкла к его равнодушному присутствию, безразличному молчанию и спокойному безучастию. Зато потеря бабушки стала для нее страшной, невосполнимой утратой: она рыдала на похоронах так, что матери пришлось вызывать «скорую помощь», чтобы как-то успокоить дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.